

Д. С. Мережковский
З. Н. Гиппиус

СТИХОТВОРЕНИЯ

Д. С. Мережковский

З. Н. Гиппиус

СТИХОТВОРЕНИЯ

Таллинн
«АЛЕКСАНДРА» 1992

Составление предисловия и комментарии
кандидата филологических наук
С. КУЛЬЮС

Оформление:
И. КАЛИСТРУ

А — 027

ISBN 5—450—01593—3

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Имя Дмитрия Сергеевича Мережковского не должно, казалось бы, нуждаться в обширном комментарии: известный теоретик литературы и культуры, религиозный мыслитель, крупный прозаик рубежа XIX—XX столетий, поэт, переводчик, драматург, литературный критик, он оставил заметный след в истории русской культуры. Однако широкому читателю Д.С. Мережковский стал известен только в самые последние годы, когда после долгих десятилетий замалчивания или сознательного отбрасывания на "задворки" русской литературы его произведения начали, наконец, издавать (далеко не в полном объеме) и на его родине. Деятельность одного из метров русского декадентства долгое время оценивалась как крайне реакционная и посему заведомо обреченная на банкротство. Вместе с тем та тотальная переоценка, которой сейчас под влиянием времени подвергается вся "история русской литературы" и ее иерархия, неизбежно должна была коснуться (и коснулась) и Мережковского. Истинное его место в истории культуры отечества сейчас, пожалуй, только определяется.

Д.С. Мережковский родился 2 августа 1865 г. в Петербурге на Елагином острове, "в одном из дворцовых зданий", где обычно проводила лето семья С.И. Мережковского, отца писателя, — крупного чиновника царской канцелярии (он закончил службу в чине действительного тайного советника). В остальное время года Мережковские жили в казенном роскошном доме в самом сердце Петербурга, на скрещении Фонтанки и Невы, вблизи Летнего сада.

..............запуганный ребенок
Всегда один, в холодном доме рос
Я без любви, угрюмый, как волчонок...

— вспоминал этот период своей жизни в своеобразной поэме-автобиографии "Старинные октавы" Д.С. Мережковский.

Можно выделить два переживания юности, которым Мережковский придавал особенное значение. Первое — встреча в 1880 г. с Достоевским, состоявшаяся по настоянию отца, очень гордившегося стихами сына. Достоевский, по воспоминаниям Мережковского, слушал "жалкие стишонки" "молча, с нетерпеливою досадою" и сказал напоследок: "Чтоб хорошо писать, — страдать надо, страдать!" Второе — острый конфликт отца с братом Дмитрия Константином по поводу цареубийства 1 марта 1881 г. (Константин оправдывал "извергов"-террористов).

В 1884 г. Мережковский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В университетские годы, вопреки устоям очень религиозной семьи, прошел через краткий "атеистический" период, затем последовало бурное увлечение позитивизмом (Конт, Спенсер) и народническими идеями. Мережковский даже собирался "уйти в народ", стать сельским учителем, глубоко интересовался различными религиозными учениями, сектантством, путешествовал по разным губерниям. Он никогда не сожалел об этих отброшенных им впоследствии ранних "ребяческих" интересах, ибо, отталкиваясь от них, он обрел свой путь в искусстве и жизни.

Литературное окружение — Н.К. Михайловский, Г. Успенский, П. Якубович, дружба с Надсоном, знакомство с Плещеевым, Вс. Гаршиным, Короленко и др. — поощряло литературные усилия Мережковского, но истинными учителями, подготовившими важнейший переворот в его жизни, стали не они, а Достоевский, Э. По и Ш. Бодлер, т.е. писатели, которые впоследствии были причислены к родословной русского символизма, одним из организаторов и виднейшим представителем которого Мережковскому и предстояло стать.

Мережковский — автор книги "О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы" (1893) — оказался одним из первых теоретиков зарождающегося символизма: он возвестил эру возвращения к древнейшему искусству символов и необходимость "сознательного литературного воплощения божественного идеализма". Его, видевшего выход из "паралича" искусства в повороте к идеализму и мистицизму, тревожили препятствия, существовавшие на этом пути: распространение "мертвенного" позитивизма и "пошлого" материализма и реализма, "сухость", исходившая от "плодотворного" в целом движения шестидесятых годов, презрение к религиозным вопросам, отсутствие духовной ауры, способствующей развитию талантов. Подобные установки сделали Мережковского союзником Акима Волынского и открыли дорогу на страницы журнала "Северный вестник", а позже сделали возможным сотрудничество в знаменитом "Мире искусства" Сергея Дягилева.

Поэтическое творчество Д.С. Мережковского явственно отражает этапы "пути" (его наличие осознается) от народничества к символизму. Его лирика является своеобразной иллюстрацией процесса качественного перерождения поэзии народничества, разочарование в идеалах которого вело к выдвижению на первый план мотивов отчаяния и безысходности, "утраченных иллюзий" больного и усталого поколения, к угасанию "гражданской" поэзии и поиску иных идеалов. Ранние, почти не выходившие за рамки поздненароднической поэтики стихи Мережковского, исполненные веры в высокий смысл борьбы и жертвы во имя народа, сменяются к концу восьмидесятых годов стихами, в которых звучат разочарования и сомнения в истинности избранной дороги. Сборники "Символы" (1892) и "Новые стихотворения" (1896) окончательно определили облик Мережковского как поэта-символиста. Внесоциальная образность ("ночная", "небесная", "любовная" тематика; мотивы

“покоя“, “бесстрастия“, “нирваны“; усиливающийся интерес к “неуловимому“, “Океану Непознаваемого“) подготовила поэтику символизма. В лирике Мережковского формируется и важнейшая черта новой школы в искусстве — представление о Красоте как скрытой сущности мира, высшей ценности бытия, способной преображать действительность. “Панэстетический“ подход (искусство как “высшая“ реальность) проявился и в глубочайшем интересе к античности, наложившем глубокий отпечаток на все творчество Мережковского.

В 1893 г. Д.С. Мережковский начинает писать важнейшее свое произведение — трилогию “Христос и Антихрист“, в которую вошли романы “Смерть Богов (Юлиан Отступник)“ (1896), “Воскресшие Боги (Леонардо да Винчи)“ (1902), “Антихрист (Петр и Алексей)“ (1905). В этом произведении, равно как и в большом исследовании “Л. Толстой и Достоевский“, написанном в эти же годы, сформулированы основные культурологические и “неохристианские“ концепции Д.С. Мережковского. Они возникли на скрещении взаимоисключающих порой воздействий, которым был подвержен Мережковский в 90-е годы. Среди них особое место занимают мистико-утопическая философия Вл. Соловьева и ницшеанство.

Мережковский остро поставил на обсуждение вопрос о дальнейшем существовании русской культуры и путях ее развития. По его инициативе (совместно с З. Гиппиус и В. Розановым) в ноябре 1901 г. в Петербурге открылись знаменитые Религиозно-философские собрания, предназначенные для свободного обсуждения проблем интеллигенции и культуры, религии и религиозного сектантства, исторических судеб России и т.д. (свобода слова и обмена мнениями вообще мыслилась как неотъемлемое право личности и условие существования культуры). Собрания (их протоколы печатались в религиозно-философском журнале Мережковского “Новый путь“ за 1902-1903 гг.) — яркое свидетельство глубочайших идейных брожений в русской общественной мысли начала века. Точка зрения самого Мережковского затрагивала устои официальной церковности и отрицала многие стороны исторического христианства. Констатируя глубочайший кризис современной культуры, выход из него Мережковский видел в “новом религиозном сознании“, призванном преодолеть исторически сложившуюся полярность язычества и христианства, “духа“ и “плоти“, двух “бездн“ с их соблазнами. Основываясь на тонких и порой очень неожиданных интерпретациях “темных“ мест в евангелиях, Мережковский проповедовал религию Третьего Завета, примиряющего обе “бездны“. Синхронное возрождение и язычества, и христианства должно было, согласно Мережковскому, привести к полноте бытия личности, преодолению аскетизма христианства и реабилитации “святой плоти“, а в конечном итоге — к созданию подлинного “царства Божия на земле“.

Эти идеи пронизывают трилогию “Христос и Антихрист“, в которой мировая история и культура представлены как арена то утихающей, то обостряющейся борьбы “земного“ и “небесного“. Аналогичные построения характерны и для “мифологии“ исследования о Толстом и Достоевском, статей о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, а также для работ, посвященных проблемам

общественности (“Грядущий Хам“, 1906; “Не мир, но меч“, 1908; “В тихом омуте“, 1908; “Больная Россия“, 1910). Мережковский колеблется: каждая из бездн в отдельности гибельна, но “разлитая“ по миру “жажда“ их “синтеза“ остается нереализованной, его осуществление отнесено в неопределенное грядущее. Некоторые круги общественности, внимая оригинальным, часто парадоксальным идеям Мережковского, видели в нем одного из самых активных строителей “религиозного будущего России“, “русского Лютера“, но даже они осознавали, что Мережковский — “слишком ранний предтеча“ “слишком медленной весны“ (А. Блок, Андрей Белый, Н. Бердяев и др.).

События 1905-1907 гг., остро переживавшиеся Мережковским, указали ему на отнюдь не “религиозную“ связь самодержавия и православия и привели к отрицанию того и другого. Кроме того, происходившее в России высветило для Мережковского двойную опасность “революционной игры“: возможность разрушительного разгула самых низменных страстей, явление Хама Грядущего и скрытую до поры до времени грозную опасность русской революции для Европы. Пророчеству Мережковского (в домашнем кругу его за провидчество называли Кассандрой) суждено было сбыться. Ничто — ни “религиозная общественность“, на которую возлагал надежды Мережковский, ни “соборность“, ни более поздние попытки “взнуздаться парламентским намордником“ — не могло остановить распад и мучительную агонию русской жизни “между двух революций“.

Октябрь был воспринят Мережковским не только как торжество напророченного им Хама, ставшего “вершителем судеб миллионов“, но и как явление Антихриста, “ввергнувшего Россию в бездну“, как грандиозная злокачественная опухоль, метастазы которой незримо оплели весь континент. Мережковский был свидетелем порожденного войной и революцией хаоса, гибели людей, насилия, одним из первых почувствовал он опасность обезличивания и торжества “срединности“. Он был потрясен “детским“ поведением Европы, не способной даже на минуту представить себе, что и она может быть низвергнута в пропасть, втянута в огромную, безжалостную, уничтожающую свободу и самое жизнь воронку. Европейская политика выжидания по отношению к России казалась Мережковскому просто преступной и пагубной для самой же Европы. С горечью и иронией он писал о том, что “Европа гадает, возможна или невозможна постепенная эволюция от человеческой мясорубки к свободе, равенству и братству“.[1]

После нескольких неудавшихся попыток выехать за границу 24 декабря 1919 г. Мережковский и З.Н. Гиппиус навсегда покинули Петербург, а в начале января, перейдя польскую границу, — и Россию, новый “Вавилон великий“. Они уезжали не от “холода“ и “голода“. Это было бегство от страшного оскала антихристова — во имя того, “чтобы быть свободными“. Дальше были Вильнюс, Варшава, Париж. Россия оставалась “неутолимой“ болью, случившееся с ней — непоправимым для нее и для европейских государств

1Вильнюс. 1990. № 6. С. 137.

несчастьем. В течение всех последующих лет Мережковский без устали призывал к сопротивлению той силе, "oriente tenebrae", — тому мраку, который шел с Востока. Часто в своем рвении помочь родине он был наивен и нелеп (как и в своих расчетах договориться с диктаторами — Гитлером и Муссолини), впадал в макиавеллизм, но, осуждая эти крайности, не стоит забывать, что им руководила любовь к родине и желание увидеть ее обновленной и цветущей: "Россия — наша земля, наше тело. Без земли — без тела. Наша любовь к России неутолимая — неутолимая жажда облечься в новое тело, в новую землю".[1]

Жизнь в эмиграции проходила активно и плодотворно. Там были написаны книги "Царство Антихриста" (совместно с З. Гиппиус и Д. Философовым), "Тайна Запада: Атлантида — Европа" (1930), "Иисус Неизвестный" (1932), "Данте" (1939) и др. Мережковский стал известным писателем, произведения которого переводились на многие европейские языки.

В Париже Мережковские жили в Пасси, на улице Colonel Bonnet, недалеко от Б. Зайцева, А. Ремизова, И. Бунина (с последним в 1933 г. Мережковский соперничал в получении Нобелевской премии), играли не последнюю скрипку в духовном содружестве "старших" монпарнасцев (Вл. Ходасевич, Г. Иванов, Н. Оцуп, Е. Кузьмина-Караваева, Л. Шестов, С. Франк и др.), вели довольно напряженную литературную жизнь. Д.С. Мережковский до последнего своего часа был полон больших планов, интересовался древним Египтом, будучи превосходным оратором, "ярко и полупророчественно" (по воспоминаниям Б. Зайцева) выступал перед разными аудиториями.

Умер Д.С. Мережковский зимой 1941 г., сидя в глубоком кресле перед камином в своем доме в Пасси.

1Вильнюс. 1990. № 6. С. 141.

Бог

О, Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир, Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...
Пускай мученья мне грозят, —
Благодарю за этот миг,
За все, что сердцем я постиг,
О чем мне звезды говорят...
Везде я чувствую, везде
Тебя, Господь, — в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.
Я Бога жаждал — и не знал;
Еще не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал, —
Я сердцем чувствовал Тебя.
И Ты открылся мне: Ты — мир.
Ты — всё. Ты — небо и вода,
Ты — голос бури, Ты — эфир,
Ты — мысль поэта, Ты — звезда...
Пока живу — Тебе молюсь.
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру — с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей;
Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть — благодарю!..

‹1883›

Молитва природы

На бледном золоте померкшего заката,
Как древней надписи причудливый узор,
Рисуется черта темно-лиловых гор.
Таинственная даль глубоким сном объята;
И все, что в небесах, и все, что на земле,
Ни криком радости, ни ропотом страданья
Нарушить не дерзнет, скрываяся во мгле,
Благоговейного и робкого молчанья.
Преобразился мир в какой-то дивный храм,
Где каждая звезда затеплилась лампадой,
Туманом голубым струится фимиам
И горы вознеслись огромной колоннадой;
Тысячелетия промчались над вселенной...
О мире и любви с надеждой неизменной
Природа к небесам взывает каждый день,
Когда спускается лазуревая тень,
Когда стихает пыль и гром житейской битвы,
Слезами падает обильная роса,
Когда сливаются ночные голоса
В одну гармонию торжественной молитвы
И тихой жалобой стремятся в небеса.

‹1883›

Июльским вечером следил ли ты порою,
Как мошек золотых веселые стада
Блестят и кружатся над дремлющей рекою
В тот тихий час, когда янтарною зарею
Облито все — тростник и небо, и вода?..
            Так перед тем, чтоб навсегда
            Нам слиться с вечностью немою;
            Не оставляя за собою
            Ни памяти, ни звука, ни следа, —
            Мы все полны на миг любовью и весною;
            Потом, — не ведая, зачем, куда, —
            Уносимся мгновенною толпою,
Как мошек золотых веселые стада
В июльских сумерках над дремлющей рекою..

‹1887›

Поэту наших дней

Молчи, поэт, молчи: толпе не до тебя.
До скорбных дум твоих кому какое дело?
Твердить былой напев ты можешь про себя, —
Его нам слушать надоело..

Не каждый ли твой стих сокровища души
За славу мнимую безумно расточает, —
Так за глоток вина последние гроши
Порою пьяница бросает.

Ты опоздал, поэт: нет в мире уголка,
В груди такого нет блаженства и печали,
Чтоб тысячи певцов об них во все века
Во всех краях не повторяли.

Ты опоздал, поэт: твой мир опустошен —
Ни колоса в полях, на дереве ни ветки;
От сказочных пиров счастливейших времен
Тебе остались лишь объедки...

Попробуй слить всю мощь страданий и любви
В один безумный вопль; в негодованьи гордом
На лире и в душе все струны оборви
Одним рыдающим аккордом, —

Ничто не шевельнет потухшие сердца,
В священном ужасе толпа не содрогнется,
И на последний крик последнего певца
Никто, никто не отзовется!

‹1884›

* * *

И хочу, но не в силах любить я людей:
Я чужой среди них; сердцу ближе друзей —
Звезды, небо, холодная, синяя даль
И лесов, и пустыни немая печаль...
Не наскучить мне шуму деревьев внимать,
В сумрак ночи могу я смотреть до утра
И о чем-то так сладко, безумно рыдать,
Словно ветер мне брат и волна мне сестра,
И сырая земля мне родимая мать...
А меж тем не с волной и не с ветром мне жить,
И мне страшно всю жизнь не любить никого.
Неужели навек мое сердце мертво?..
Дай мне силы, Господь, моих братьев любить!

‹1887›

* * *

Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу
Я слишком слаб; в душе — ни веры, ни огня...
Святая ненависть погибнуть за свободу
Не увлечет меня:

Пускай шумит ручей и блещет на просторе —
Струи бессильные смирятся и впадут
Не в бесконечное, сверкающее море,
А в тихий, сонный пруд.

‹1887›

* * *

Дома и призраки людей —
Все в дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
В тумане мертвом задыхалось.
И мимо каменных громад
Куда-то люди торопливо,
Как тени бледные, скользят,
И сам иду я молчаливо,
Куда — не знаю, как во сне,
Иду, иду, и мнится мне,
Что вот сейчас я, утомленный,
Умру, как пламя фонарей,
Как бледный призрак, порожденный
Туманом северных ночей.

‹1889›

Сакья-Муни

По горам, среди ущелий темных,
Где ревел осенний ураган,
Шла в лесу толпа бродяг бездомных
К водам Ганга из далеких стран.
Под лохмотьями худое тело
От дождя и ветра посинело.
Уж они не видели два дня
Ни приютной кровли, ни огня.
Меж дерев во мраке непогоды
Что-то там мелькнуло на пути;
Это храм — они вошли под своды,
Чтобы в нем убежище найти.
Перед ними на высоком троне —
Сакья-Муни, каменный гигант.
У него в порфировой короне —
Исполинский чудный бриллиант.
Говорит один из нищих: «Братья,
Ночь темна, никто не видит нас,
Много хлеба, серебра и платья
Нам дадут за дорогой алмаз.
Он не нужен Будде: светят краше
У него, царя небесных сил,
Груды бриллиантовых светил
В ясном небе, как в лазурной чаше...»
Подан знак, и вот уж по земле
Воры тихо крадутся во мгле.
Но когда дотронуться к святыне
Трепетной рукой они хотят, —
Вихрь, огонь и громовой раскат,
Повторенный откликом в пустыне,
Далеко откинул их назад.
И от страха все окаменело, —
Лишь один — спокойно величав —
Из толпы вперед выходит смело,
Говорит он богу: «Ты неправ!
Или нам жрецы твои солгали,
Что ты кроток, милостив и благ,
Что ты любишь утолять печали
И, как солнце, побеждаешь мрак?
Нет, ты мстишь нам за ничтожный камень,
Нам, в пыли простертым пред тобой, —
Но, как ты, с бессмертною душой!

Что за подвиг сыпать гром и пламень
Над бессильной, жалкою толпой,
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянул — грозен и могуч, —
Чтоб отнять у нищих корку хлеба!
Царь царей, сверкай из темных туч,
Грянь в безумца огненной стрелою, —
Я стою, как равный пред тобою,
И высоко голову подняв,
Говорю пред небом и землею:
Самодержей мира, ты неправ!»
Он умолк, и чудо совершилось:
Чтобы снять алмаз они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой венчанной до земли,
На коленях, кроткий и смиренный,
Пред толпою нищих царь вселенной,
Бог, великий бог лежал в пыли!

‹1885›

Смерть Надсона

(читано на литературном вечере в память С. Я. Надсона)

Поэты на Руси не любят долго жить:
Они проносятся мгновенным метеором,
Они торопятся свой факел потушить,
Подавленные тьмой и рабством, и позором.
Их участь — умирать в отчаяньи немом;
Им гибнуть суждено, едва они блеснули,
От злобной клеветы, изменнической пули
Или в изгнании глухом.

И вот еще один, — его до боли жалко:
Он страстно жить хотел и умер в двадцать лет.
Как ранняя звезда, как нежная фиалка,
Угас наш мученик-поэт!
Свободы он молил, живой в гробу метался,
И все мы видели — как будто тень легла
На мрамор бледного прекрасного чела;

В нем медленный недуг горел и разгорался,
И смерть он призывал — и смерть к нему пришла.
Кто виноват? К чему обманывать друг друга!
Мы, виноваты — мы. Зачем не сберегли
Певца для родины, когда еще могли
    Спасти его от страшного недуга.
Мы все, на торжество пришедшие сюда,
Чтобы почтить талант обычною слезою, —
В те дни, когда он гас, измученный борьбою,
И жаждал знания, свободы и труда,
И нас на помощь звал с безумною тоскою,
Друзья, поклонники, где были мы тогда?..
Бесцельный шум газет и славы голос вещий, —
Теперь, когда он мертв, — поздний лавр певца,
И жалкие цветы могильного венца —
Как это все полно иронии зловещей!..

Поймите же, друзья, он не услышит нас:
В гробу, в немом гробу он спит теперь глубоко,
И между тем как здесь все нежит слух и глаз,
И льется музыка, и блещет яркий газ, —
На тихом кладбище он дремлет одиноко
    В глухой, полночный час... —
Уста его навек сомкнулись без ответа...
Страдальческая тень погибшего поэта,
Прости, прости!..

‹1887›

Дон Кихот

Шлем — надтреснутое блюдо,
Щит — картонный панцирь жалкий...
В стременах висят, качаясь,
Ноги тощие, как палки.

Для него хромая кляча —
Конь могучий Россинанта,
Эти мельничные крылья —
Руки мощного гиганта.

Видит он в таверне грязной
Роскошь царского чертога,
Слышит в дудке свинопаса
Звук серебряного рога.

Санхо Панца едет рядом;
Гордный вид его серьезен:
Как прилично копьеносцу,
Он величествен и грозен.

В красной юбке, в пятнах дегтя,
Там, над кучами навоза, —
Эта царственная дама —
Дульцинея де-Тобозо...

Страстно, с юношеским жаром
Он в толпе крестьян голодных,
Вместо хлеба, рассыпает
Перлы мыслей благородных:

«Люди добрые, ликуйте,
Наступает праздник вечный:
Мир не солнцем озарится,
А любовью бесконечной...

Будут все равны; друг друга
Перестанут ненавидеть;
Ни алькады, ни бароны
Не посмеют вас обидеть.

Пойте, братья, гимн победный!
Этот меч несет свободу,
Справедливость и возмездье
Угнетенному народу!»

Из приходской школы дети
Выбегают, бросив книжки,
И хохочут, и кидают
Грязью в рыцаря мальчишки.

Аплодируя, как зритель,
Жирный лавочник смеется;
На крыльце своем трактирщик
Весь от хохота трясется.

И почтенный патер смотрит,
Изумлением объятый,
И громит безумье века
Он латинскою цитатой.

Из окна глядит цирюльник,
Он прервал свою работу
И с восторгом машет бритвой,
И кричит он Дон Кихоту:

«Благороднейший из смертных,
Я желаю вам успеха!..»
И не в силах кончить фразы,
Задыхается от смеха.

Он не чувствует, не видит
Ни насмешек, ни презренья:
Кроткий лик его так светел,
Очи — полны вдохновенья.

Он смешон, но сколько детской
Доброты в улыбке нежной
И в лице, простом и бледном,
Сколько веры безмятежной!

И любовь, и вера святы,
Этой верою согреты
Все великие безумцы,
Все пророки и поэты!

‹1887›

Две песни шута

I

Если б капля водяная
		Думала, как ты,
В час урочный упадая
		С неба на цветы,
И она бы говорила:
«Не бессмысленная сила
		Управляет мной,
По моей свободной воле
Я на жаждущее поле
		Упаду росой!»
Но ничто во всей природе
Не мечтает о свободе,
		И судьбе слепой
Все покорно — влага, пламень,
Птицы, звери, мертвый камень;
		Только весь свой век
О неведомом тоскует
И на рабство негодует
		Гордый человек.
Но увы! лишь те блаженны,
		Сердцем чисты те,
Кто беспечны и смиренны
		В детской простоте.
Нас, глупцов, природа любит
И ласкает, и голубит,
		Мы без дум живем,
Без борьбы, послушны року,
Вниз по вечному потоку,
		Как цветы, плывем.

II

То не в поле головки сбивает дитя
		С одуванчиков белых, играя:
То короны и митры сметает, шутя,
		Всемогущая Смерть, пролетая.
Смерть приходит к шуту: «Собирайся, Дурак,
		Я возьму и тебя в мою ношу,
И к венцам и тиарам твой пестрый колпак
		В мою общую сумку я брошу».
Но, как векша, горбун ей на плечи вскочил,
		И колотит он Смерть погремушкой,

По костлявому черепу бьет, что есть сил,
И смеется над бедной старушкой.
Стонет жалобно Смерть: «Ой, голубчик, постой!»
Но герой наш уняться не хочет;
Как солдат в барабан, бьет он в череп пустой
И кричит, и безумно хохочет:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь и солнце, и смех всей душою любя,
Буду жить-поживать, припевая:
Гром побед отзвучит, красота отцветет,
Но дурак никогда и нигде не умрет, —
Но бессмертна лишь глупость людская!»

‹1887›

Везувий

Глубоко тонут ноги в теплом пепле,
И ослепительно, как будто солнцем
Озарена, желтеет сера. К бездне
Я подошел и в кратер заглянул:
Горячий пар клубами вырывался...
Послышались тяжелые удары,
Подземный гром и гул, и клокотанье...
Сверкнул огонь!..
Привет тебе, о древний,
Великий Хаос, Праотец вселенной!
Я счастлив тем, что нет в душе смиренья
Перед тобой, слепая власть природы!..
Меня стереть с лица земли ты можешь,
Но все твое могущество — ничто
Перед одной непобедимой искрой,
Назло богам зажженной Прометеем
В моем свободном сердце!..
Я здесь стою, никем не побежденный,
И к небесам подняв чело,
Тебя ногами попираю,
О древний Хаос, Праотец вселенной!

1891

Колизей

Вступаю при луне в арену Колизея.
Полуразрушенный, великий и безмолвный,
Неосвященными громадами чернея,
Он дремлет, голубым, холодным светом полный.
Здесь пахнет сыростью подземных галерей,
Росы, могильных трав и мшистых кирпичей.
Луна печальная покрылась облаками,
Как духи прошлого, как светлые виденья,
Они проносятся, с воздушными краями,
Над царством тишины и смерти, и забвенья.
В дворце Калигулы заплакала сова...
На камне шелестит могильная трава.
Как будто бы скользят по месяцу не тучи,
А тени бледные... сенаторские тоги...
Проходят ликторы — суровы и могучи,
Проходят консулы — задумчивы и строги...
Не буря на полях к земле колосья гнет,
Пред императором склоняется народ...
И месяц выглянул, и тучи заблестели:
Вот кроткий Антонин и Август величавый,
Воинственный Троян и мудрый Марк Аврелий...
В порфирах веющих, в мерцаньи вечной славы
Грядут, блаженные!.. И складки длинных риз —
Подобны облакам... И тени смотрят вниз
На семихолмный Рим. Но в Риме — смерть и тленье:
Потухли алтари, и Форум спит глубоко,
И в храме Юлиев колонна в отдаленьи
Обломком мраморным белеет одиноко.
И стонет в тишине полночная сова.
На камне шелестит могильная трава...
И взоры Кесарей омрачены тоскою.
Скрывается луна, безмолвствует природа...
Я вспоминаю Рим, и веет надо мною
Непобедимый дух великого народа!..
Мне больно за себя, за родину мою...
О тени прошлого. пред вами я стою, —
И, горькой завистью душа моя томима!
И обратив назад из бесконечной дали
Прощальный взор на Рим, они все мимо, мимо
Проносятся, полны таинственной печали...
И, руки с жалобой я простираю к ним:
О слава древних дней, о Рим, погибший Рим!..

1891

Марк Аврелий

Века, разрушившие Рим,
Тебя не тронув, пролетели
Над изваянием твоим,
Бессмертный Марк Аврелий!
В благословенной тишине
Доныне ты, как триумфатор,
Сидишь на бронзовом коне,
Философ-император,
И в складках падает с плеча
Простая риза, не порфира.
И нет в руке его меча, —
Он провозвестник мира.
Невозмутим его покой,
И все в нем просто и велико.
Но веет грустью неземной
От царственного лика.
В тяжелый век он жил, как мы,
Он жил во дни борьбы мятежной
И надвигающейся тьмы,
И грусти безнадежной.
Он знал: погибнет Рим отцов.
Но пред толпой не лицемерил.
Чем меньше верил он в богов, —
Тем больше в правду верил.
Владея миром, никого
Он даже словом не обидел,
За Рим, не веря в торжество,
Он умер и предвидел,
Что Риму не воскреснуть вновь,
Но отдал все, что было в жизни —
Свою последнюю любовь,
Последний вздох отчизне.
В душе правдивой и простой,
Навеки чуждой ослепленья,
Была не вера, а покой
Великого смиренья.
Он, исполняя долг, страдал
Без вдохновенья, без отрады
И за добро не ожидал
И не хотел награды.

Теперь стоит он, одинок
Под голубыми небесами
На Капитолии, как бог,
        И ясными очами
Глядит на будущее, вдаль:
Он бросил дольней жизни тягость.
В лице — спокойная печаль
        И неземная благость.

1891
Рим

„Addio Napoli" *

Слабеет моря гул прощальный,
Как сонный шепот Нереид,
Напев далекий и печальный
„Addio Napoli" звучит...
Как тихий жертвенник, дымится
Везувий в светлой вышине,
Огонь краснеет при луне,
И белый дым над ним клубится...
Мне бесконечно дорога
Земля твоих цветущих склонов,
Сорренто с рощами лимонов.
О, золотые берега!..
Прохлада гротов — в полдень жаркий,
Где голубым огнем горит
Волна, кидая на гранит
Дрожащей влаги отблеск яркий,
Где камни скрыл подводный мох,
Где днем и ночью Океана
В глубокой бездне слышен вздох,
Подобный музыке органа.
И в том, как шепчется трава,
И в том, как плачет непогода,
Хотел подслушать я, Природа,
Твои сердечные слова!

* Прощай, Неаполь!

Искал я в ропоте потоков,
Искал в тиши твоих ночей
Еще непонятых намеков,
Твоей души, твоих речей...
Теперь ты кажешься мне сказкой,
Сорренто! Север впереди...
Но шепчет Юг с последней лаской:
«Не уходи, не уходи!»
Слабеет моря гул прощальный,
Как сонный шепот Нереид,
Напев далекий и печальный:
«Addio Napoli» звучит...

1891 Неаполь

Микель-Анжело

Тебе навеки сердце благодарно,
С тех пор, как я, раздумием томим,
Бродил у волн мутно-зеленых Арно

По галереям сумрачным твоим,
Флоренция! И статуи немые
За мной следили: подходил я к ним

Благоговейно. Стены вековые
Твоих дворцов объяты были сном,
А мраморные люди, как живые,

Стояли в нишах каменных кругом:
Здесь был Челлини, полный жаждой славы,
Боккачио с приветливым лицом,

Макиавелли, друг царей лукавый,
И нежная Петрарки голова,
И выходец из Ада величавый,

И тот, кого прославила молва,
Не разгадав, — да-Винчи, дивной тайной
Исполненный, на древнего волхва

Похожий и во всем необычайный.
Как счастлив был, храня смущенный вид,
Я — гость меж ними, робкий и случайный.

И, попирая пыль священных плит,
Как юноша, исполненный тревоги,
На мудрого наставника глядит, —

Так я глядел на них: и были строги
Их лица бледные, и предо мной
Великие, бесстрастные, как боги,

Они сияли вечной красотой.
Но больше всех меж древними мужами
Я возлюбил того, кто головой

Поник на грудь, подавленный мечтами,
И опытный в добре, как и во зле,
Взирал на мир усталыми очами:

Напечатлела дума на челе
Такую скорбь и отвращенье к жизни,
Каких с тех пор не видел на земле

Я никогда, и к собственной отчизне
Презренье было горькое в устах,
Подобное печальной укоризне.

И я заметил в жилистых руках,
В уродливых морщинах, в повороте
Широких плеч, в нахмуренных бровях —

Твое упорство вечное в работе,
Твой гнев, создатель Страшного Суда,
Твой беспощадный дух, Буонаротти,

И скукою бесцельного труда,
И глупостью людскою возмущенный,
Ты не вкушал покоя никогда.

Усильем тяжким воли напряженной
За миром мир ты создавал, как Бог,
Мучительными снами удрученный,

Нетерпелив, угрюм и одинок.
Но в исполинских глыбах изваяний,
Подобных бреду, ты всю жизнь не мог

Осуществить чудовищных мечтаний
И, красоту безмерную любя,
Порой не успевал кончать созданий.

Упорный камень молотом дробя,
Испытывал лишь ярость, утоленья
Не знал вовек, — и были у тебя

Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вечно невозможного хотел.
Являют нам могучие творенья

Страданий человеческих предел.
Одной судьбы ты понял неизбежность
Для злых и добрых: плод великих дел —

Ты чувствовал покой и безнадежность.
И проклял, падая к ногам Христа,
Земной любви обманчивую нежность,

Искусство проклял, но, пока уста,
Без веры, Бога в муках призывали, —
Душа была угрюма и пуста.

И Бог не утолил твоей печали,
И от людей спасенья ты не ждал:
Уста навек с презреньем замолчали.

Ты больше не молился, не роптал,
Ожесточен в страданьи одиноком,
Ты, ни во что не веря, погибал;

И вот стоишь, непобедимый роком,
Ты предо мной, склоняя гордый лик,
В отчаяньи спокойном и глубоком,

Как демон, безобразен — и велик.

1893

Парки

Будь что будет — все равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Трем богиням, вещим пряхам:
Было прахом, будет прахом, —
Ты шуми, веретено.

Нити вечные судьбы
Тянут Парки из кудели
Без начала и без цели.
Не склоняют их мольбы,

Не пленяет красота:
Головой они качают,
Правду горькую вещают
Их поблеклые уста.

Мы же лгать обречены:
Роковым узлом от века
В слабом сердце человека
Правда с ложью сплетены.

Лишь уста открою — лгу,
Я рассечь узлов не смею,
А распутать не умею,
Покориться не могу.

Лгу, чтоб верить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цепи рабства и любви,
Все, пред чем я полон страхом,
Рассекут единым взмахом,
Парка, ножницы твои!

1892

Morituri *

Мы бесконечно одиноки,
Богов покинутых жрецы.
Грядите, новые прóроки!
Грядите, вещие певцы,
Еще неведомые миру!
И отдадим мы нашу лиру
Тебе, божественный поэт...
На глас твой первые ответим,
Улыбкой первой твой рассвет,
О, Солнце будущего, встретим
И в блеске утреннем твоем,
Тебя приветствуя, умрем!

* Идущие на смерть. (лат.).

„Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri!" ** Весь наш род,
Как на арене гладиатор,
Пред новым веком смерти ждет.
Мы гибнем жертвой искупленья.
Придут иные поколенья,
Но в оный день пред их судом
Да не падут на нас проклятья:
Вы только вспомните о том,
Как много мы страдали, братья!
Грядущей веры новый свет,
Тебе — от гибнущих привет!

‹1891›

Изгнанники

Есть радость в том, чтоб люди ненавидели,
Добро считали злом
И мимо шли, и слез твоих не видели,
Назвав тебя врагом.

Есть радость в том, чтоб вечно быть изгнанником
И, как волна морей,
Как туча в небе, одиноким странником
И не иметь друзей.

Прекрасна только жертва неизвестная:
Как тень хочу пройти,
И сладостна да будет ноша крестная
Мне на земном пути.

‹1893›

** Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь! (лат.).

Голубое небо

Я людям чужд, и мало верю
Я добродетели земной;
Иною мерой жизнь я мерю,
Иной, бесцельной красотой.

Я верю только в голубую
Недосягаемую твердь.
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

О небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты.

‹1894›

Осенью в Летнем саду

В аллее нежной и туманной,
Шурша осеннею листвой,
Дитя букет сбирает странный,
С улыбкой жизни молодой...

Все ближе тень октябрьской ночи,
Все ярче мертвенный букет,
Но радует живые очи
Увядших листьев пышный цвет...

Чем бледный вечер неутешней,
Тем смех ребенка веселей,
Подобен пенью птицы вешней
В холодном сумраке аллей.

Находит в увяданьи сладость
Его блаженная пора:
Ему паденье листьев — радость,
Ему и смерть еще — игра!..

1894

Пчелы

Они, решая все вопросы,
Друзей и недругов язвят,
Они, как суетные осы,
Как трутни праздные, жужжат.
        Но ты своим смертельным жалом,
        Поэт, не делаешь им зла…
        Ты знаешь — прелесть жизни — в малом,
        Ты извлекаешь, как пчела, —
Для Божьих сот, в земном скитаньи,
Презрев земную суету,
Из всех цветов —благоуханье,
Из всех мучений — красоту?
        И счастье — для тебя возможно,
        И мир твой — первобытный рай:
        Из каждой радости ничтожной
        Ты мед по капле собирай.

1894

Дети ночи

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.
И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Мы неведомое чуем.
Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
Погребенных воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Петуха ночное пенье,
Холод утра —это мы.
Мы — над бездною ступени,
Дети мрака, солнца ждем,
Свет увидим и, как тени,
Мы в лучах его умрем.

‹1894›

De Profundis

(Из дневника)

...В те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог, даже доныне, и не будет. И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть (Ев. Марка, гл. XIII, 19, 20).

I

Усталость

Мне самого себя не жаль.
Я принимаю все дары Твои, о Боже,
Но кажется порой, что радость и печаль,
И жизнь, и смерть — одно и то же.

Спокойно жить, спокойно умереть —
Моя последняя отрада.
Не стоит ни о чем жалеть
И ни на что надеяться не надо.

Ни мук, ни наслаждений нет.
Обман — свобода и любовь, и жалость,
В душе — бесцельной жизни след —
Одна тяжелая усталость.

II

De Profundis

Из преисподней вопию
Я, жалом смерти уязвленный:
Росу небесную Твою
Пошли в мой дух ожесточенный.

Люблю я смрад земных утех,
Когда в устах к Тебе моленья —
Люблю я зло, люблю я грех,
Люблю я дерзость преступленья.

Мой Враг глумится надо мной:
«Нет Бога: жар молитв бесплоден».
Паду ли ниц перед Тобой,
Он молвит: «Встань и будь свободен».

Бегу ли вновь к Твоей любви,—
Он искушает, горд и злобен:
«Дерзай, познанья плод сорви,
Ты будешь силой мне подобен».

Спаси, спаси меня! Я жду,
Я верю, видишь, верю чуду,
Не замолчу, не отойду
И в дверь Твою стучаться буду.

Во мне горит желаньем кровь,
Во мне таится семя тленья.
О, дай мне чистую любовь,
О, дай мне слезы умиленья.

И окаянного прости,
Очисти душу мне страданьем —
И разум темный просвети
Ты немерцающим сияньем!

* * *

Эту заповедь в сердце своем напиши:
Больше счастья, добра и себя самого
Жизнь люби — выше нет на земле ничего.
Смей желать... Если хочешь, иди, согреши,
Но да будет бесстрашен, как подвиг, твой грех.
В муках радостный смех сохрани до конца:
Нет ни в жизни, ни в смерти прекрасней венца!
Чем последний, бесстрастный, ликующий смех,
Смех детей и богов
Выше зла, выше бурь,
Этот смех, как лазурь, —
Выше всех облаков...
Есть одна только вечная заповедь — жить
В красоте, в красоте, несмотря ни на что,
Ужас мира поняв, как не понял никто,
Беспредельную скорбь беспредельно любить!..

1894

Скука

Страшней, чем горе, эта скука.
Где ты, последний терн венца,
Освобождающая мука
Давно желанного конца?

С ее бессмысленным мученьем,
С ее томительной игрой,
Невыносимым оскорбленьем
Вся жизнь мне кажется порой.

Хочу простить ее, но знаю,
Уродства жизни не прошу
И горечь слез моих глотаю,
И умираю, и молчу.

1895

Не надо звуков

Дух Божий веет над землею.
Недвижен пруд, безмолвен лес;
Учись великому покою
У вечереющих небес.

Не надо звуков: тише, тише,
У молчаливых облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов.

1895

Темный ангел

О, темный ангел одиночества,
Ты веешь вновь
И шепчешь вновь свои пророчества:
«Не верь в любовь.

Узнал ли голос мой таинственный?
О, милый мой,
Я — ангел детства, друг единственный,
Всегда с тобой.

Мой взор глубок, хотя нерадостен,
Но не горюй:
Он будет холоден и сладостен,
Мой поцелуй.

Он веет вечною разлукою, —
И в тишине
Тебя, как мать, я убаюкаю.
Ко мне, ко мне!»

И совершаются пророчества:
Темно вокруг.
О, страшный ангел одиночества,
Последний друг,

Полны могильной безмятежностью
Твои шаги.
Кого люблю с бессмертной нежностью,
И те — враги!

1895

Песня солнца

Я наливаю колос хлеба
Благоухающим зерном,
И наполняю чашу неба
Я золотым моим вином;
        Приди и пей — кто сколько жаждет!
        Что значит подвиг или грех?..
        Не бойтесь — надо всем, что страждет,
        Непобедим мой вечный смех!
Из всех певцов — я лучший в мире:
Как на эоловых струнах,
Люблю играть на вечной лире —
На золотых моих лучах.
        И песнь моя есть первый лепет
        Весенних листьев, гул морей
        И в тучах радуг легкий трепет
        И ужас бурь, и смех детей.
И полны дивного значенья,
В неоцененной красоте,
Спят драгоценные каменья,
Мои любимцы, в темноте, —
        Мои загадочные дети
        Там, под землею, ждут меня,
        Безмолвный ряд тысячелетий
        Мой первозданный луч храня.
Люблю, что молодо и смело,
Люблю я силу в красоте
И нестыдящееся тело
В богоподобной наготе.
        Зачем, безумец, ты не внемлешь,
        Потупив взор слепых очей,
        И мертвым сердцем не приемлешь
        Ты евхаристии моей?
Приди и пей — кто сколько жаждет!
Что значит подвиг или грех!
Не бойтесь — надо всем, что страждет,
Непобедим мой вечный смех!

1894

Леонардо да Винчи

О, Винчи, ты во всем — единый:
Ты победил старинный плен.
Какою мудростью змеиной
Твой страшный лик запечатлен!

Уже, как мы, разнообразный,
Сомненьем дерзким ты велик.
Ты в глубочайшие соблазны
Всего, что двойственно, проник.

И у тебя во мгле иконы
С улыбкой Сфинкса смотрят вдаль
Полуязыческие жены, —
И не безгрешна их печаль.

Пророк иль демон, иль кудесник,
Загадку вечную храня,
О, Леонардо, ты — предвестник
Еще неведомого дня.

Смотрите вы, больные дети
Больных и сумрачных веков:
Во мраке будущих столетий
Он, непонятен и суров, —

Ко всем земным страстям бесстрастный,
Таким останется навек —
Богов презревший, самовластный,
Богоподобный человек.

1895

Леда

I

«Я — Леда, я — белая Леда, я— мать красоты.
Я сонные воды люблю и ночные цветы.
Каждый вечер, жена соблазненная,
Я ложусь у пруда, там, где пахнет водой, —
В душной тьме грозовой,
Вся преступная, вся обнаженная, —
Там, где сырость и нега, и зной,
Там, где пахнет водой и купавами,
Влажными, бледными травами
И таинственным илом в пруду, —
Там я жду.
Вся преступная, вся обнаженная,
Изнеможденная
В сырость теплую, в мягкие травы ложусь
И горю, и томлюсь.
В душной тьме грозовой,
Там, где пахнет водой,
Жду — и в страстном бессилии
Я бледнее, прозрачнее сломанной лилии.
Там я жду, а в пруду только звезды блестят,
И в тиши камыши шелестят, шелестят».

II

«Вот и крик, и шум пронзительный,
Словно плеск могучих рук:
Это — Лебедь ослепительный,
Белый Лебедь — мой супруг!
С грозной нежностью змеиною,
Он, обвив меня, ласкал
Тонкой шеей лебединою, —
Влажных губ моих искал...
Крылья воду бьют, —
Грозен темный пруд, —
На спине его щетиною
Перья бледные встают, —
Так он горд своей победою.
Где я, что со мной, — не ведаю:
Это — смерть, но не боюсь,
Вся бледнея,
Страстно млея,

Как в ночной грозе лилея,
Ласкам бога предаюсь.
Где я, что со мной, — не ведаю»,
Все покрыто тьмой,
Только над водой —
Белый Лебедь с белой Ледою.

III

И вот рождается Елена
С невинной прелестью лица,
Но вся — коварство, вся — измена,
Белее, чем морская пена, —
Из лебединого яйца.
И слышен вопль Гекубы в Трое
И Андромахи вечный стон,
Сразились боги и герои,
И пал священный Илион.
А ты, Елена, клятвы мира
И долг нарушив, — ты чиста.
Тебя прославит песнь Омира,
Затем, что вся надежда мира —
Дочь белой Леды — Красота.

1895

Нирвана

И вновь, как в первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Как будто в мире нет страданья,
Как будто в сердце нет греха.
Не надо мне любви и славы:
В молчаньи утренних полей
Дышу, как дышат эти травы...
Ни прошлых, ни грядущих дней
Я не хочу пытать и числить.
Я только чувствую опять,
Какое счастие — не мыслить,
Какая нега — не желать!

‹1896›

Двойная бездна

Не плачь о неземной отчизне
И помни, — более того,
Что есть в твоей мгновенной жизни,
Не будет в смерти ничего.

И жизнь, как смерть, необычайна...
Есть в мире здешнем — мир иной.
Есть ужас тот же, та же тайна —
И в свете дня, как в тьме ночной.

И смерть, и жизнь — родные бездны:
Оне подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.

Одна другую углубляет,
Как зеркало, а человек
Их съединяет, разделяет
Своею волею навек.

И зло, и благо — тайна гроба
И тайна жизни — два пути —
Ведут к единой цели оба.
И все равно, куда идти.

Будь мудр,— иного нет исхода.
Кто цепь последнюю расторг,
Тот знает, что в цепях свобода
И что в мучении — восторг.

Ты сам — свой Бог, ты сам свой ближний,
О, будь же собственным Творцом,
Будь бездной верхней, бездной нижней,
Своим началом и концом.

1901

О, если бы душа полна была любовью,
Как Бог мой на кресте, — я умер бы любя.
Но ближних не люблю, как не люблю себя,
И все-таки порой исходит сердце кровью.

О, мой Отец, о, мой Господь,
Жалею всех живых в их слабости и силе,
В блаженстве и скорбях, в рожденьи и в могиле.
Жалею всякую страдающую плоть.

И кажется порой —у всех одна душа,
Она зовет Тебя, зовет и умирает,
И бредит в шелесте ночного камыша,
В глазах больных детей, в огнях зарниц сияет.

Душа моя и Ты — с Тобою мы одни.
И смертною тоской и ужасом объятый,
Как некогда с креста Твой Первенец Распятый,
Мир вопиет: Ламма! Ламма! Савахфани.

Душа моя и Ты — с Тобой одни мы оба,
Всегда лицом к лицу, о, мой последний Враг.
К Тебе мой каждый вздох, к Тебе мой каждый шаг
В мгновенном блеске дня и в вечной тайне гроба,

И в буйном ропоте Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и Я — одно и то же,
Я вопию к Тебе, как сын твой: Боже, Боже.
За что оставил Ты меня?

Молитва о крыльях

Ниц простертые, унылые,
Безнадежные, бескрылые,
В покаянии, в слезах, —
Мы лежим во прахе прах,
Мы не смеем, не желаем
И не верим, и не знаем,
И не любим ничего.

Боже, дай нам избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О, спаси нас от бессилья,
Дай нам крылья, дай нам крылья,
Крылья духа Твоего!

1902

Веселые думы

Без веры давно, без надежд, без любви,
О, странно веселые думы мои!
Во мраке и сырости старых садов —
Унылая яркость последних цветов.

Да не будет

Надежды нет и нет боязни.
Наполнен кубок через край.
Твое прощенье — хуже казни,
Судьба. Казни меня, прощай.

* * *

Всему я рад, всему покорен.
В ночи последний замер плач.
Мой путь, как ход подземный, черен —
И там, где выход, ждет палач.

КОММЕНТАРИИ

В настоящий сборник вошли преимущественно те стихотворения Д.С. Мережковского, которые обычно включались им самим в книги стихов и собрания сочинений. Стихотворения в основном располагаются в хронологическом порядке, за исключением случаев, когда подобная последовательность нарушает внутреннюю композицию подборки. Датировка стихотворений по первой их публикации приводится в ломаных скобках. Стихотворения печатаются по "Полному собранию сочинений Д.С. Мережковского" (М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. Т.XXI-XXIV). Орфография приведена к современной норме, за исключением некоторых случаев, когда современная орфография мешает звучанию и искажает смысл стихотворения.

Бог. Одно из программных стих. Д.С. Мережковского. Оно открывало сб. "Символы: (Песни и поэмы)" (СПБ., 1892), "Собрание стихов: 1883 — 1910" (СПБ., 1910), а также соответствующие тома собрания сочинений. Пантеистический мотив полного слияния личностного начала с одухотворенным миром, равным богу, придает стих. созерцательно-"молитвенный" характер, имеющий ряд прозаических эквивалентов в романе "Леонардо да Винчи".

Поэту наших дней. Опубл. в журн. "Вестн. Европы" (1885. № 7).

Сакья-Муни. Опубл. в "Вестн. Европы" (1886. № 2) с подзаг. "Буддийское предание"; навеяно "Тремя встречами Будды" С.Я. Надсона (см. примеч. к стих. "Смерть Надсона"). *Сакья-Муни* (Шакья-Муни) — имя Будды (древнеинд. мифол.). *Ганг* — священная река в Индии.

Смерть Надсона. Опубл. в журн. "Северн. вестник" (1888. № 5). Прочитано на литературном вечере в Петербурге 27 февр. 1887 г. Семен Яковлевич *Надсон* (1862-1887) — известный поэт 1880-х гг., умерший в возрасте 24 лет. С Мережковским был знаком с 1880 г., знакомство перешло в близкую дружбу и "братство". Мережковский неоднократно говорил о дружбе с поэтом и любви к нему. Несмотря на то что в символистских кругах (за редкими исключениями) творчество Надсона не считалось значительным или тем более утонченным явлением, он тем не менее признавался выразителем предшествовавшей символизму "бесцветной" и "унылой" эпохи. "Надсоновская" стилистика ощутима и в ранней лирике Мережковского.

Дон Кихот. Связано с одноименным романом Сервантеса. Стих. опубл. в "Северн. вестнике" (1887. № 9); положено на музыку Н. Соколовым. Стих. "Дон Кихот" — свидетельство зарождения уже в раннем символизме м и ф а о Д о н К и х о т е, творящем из "тусклого" жизненного материала иную, "высшую" действительность и преображающем жизнь воображением и красотой. *Алькады* (алькальды) — городские судьи в Испании.

Две песни шута. Опубл. в составе драматической сказки "Сильвио" ("Северн. вестник". 1890. № 2); публиковалось и в виде отдельного цикла. *Митра* — головной убор высшего духовенства. *Тиара* — символ высшей власти, головной убор восточных царей. *Векша* — белка. *Но бессмертна лишь глупость людская* — перефразировка тютчевского "бессмертная пошлость людская" из стих. "Чему молилась ты с любовью" (1851 или 1852).

Везувий. *Везувий* — знаменитый вулкан в Италии. *Великий Хаос, Праотец вселенной* — зияющая бездна из мрака и тумана, колыбель Вселенной (древнегреч. мифол.). *Прометей* — герой античных сказаний, похитивший из кузницы Гефеста огонь и давший его людям. В наказание Зевс велел приковать Прометея к скале: боги опасались соперничества с людьми.

Колизей. В стих. описывается памятник древнеримской архитектуры (75 — 80), крупнейший амфитеатр, вмещавший ок. 50 тыс. зрителей. Гай Цезарь *Калигула* (12 — 41), жесточайший тиран древности, любитель изощренных пыток и казней; убит трибуном Кассием Хереей. Калигуле посвятил отдельную главу в кн. "Жизнь двенадцати цезарей" Светоний. *Ликтор* — почетный страж при высших должностных лицах Римской республики. *Консул* — титул двух выборных высших должностей в эпоху Римской республики. *Антонин* Пий (138 — 161) положил начало династии Антонинов, установил форму монархии, удовлетворявшей сенат, сенатской историографией изображался как правитель-миролюбец. *Август величавый* — Август-Октавиан (63 г. до н.э. — 14 г. н.э.), первый римский император. Назван Великим после победы над Антонием. Славу Августа воспевали Вергилий и Гораций, о нем писали историки Светоний и Плутарх. *Троян* (98 — 117) — римский император и полководец. *Марк Аврелий* (121 — 180) — блестяще образованный император-философ, автор философского сочинения "К самому себе", примыкающего по основной своей тональности к стоической школе в философии. *Семихолмный Рим* — Рим был основан в VII в. до н.э. и располагался, по преданию, на семи холмах вокруг реки Тибр. *Форум* — сердце Рима, центральная его площадь. *Храм Юлиев* — очевидно, храм Юлия Цезаря, располагавшийся в центре Форума.

Марк Аврелий. В стих. речь идет о знаменитой бронзовой конной статуе (единственная, конная статуя, дошедшая из античности) Марка Аврелия в Риме. Император выглядит "негероически": он миролюбиво простирает вперед правую руку. *Капитолий* — один из семи холмов Рима.

Addio Napoli. *Сорренто* — город в южной Италии, расположенный недалеко от Неаполя. Вулкан Везувий находится недалеко от Неаполя. *Нереиды* — морские нимфы, дочери Нерея, бога, олицетворявшего спокойное море (древнегреч. мифол.).

Микель-Анжело. *Микеланджело* Буонаротти (1475 — 1564) — величайший скульптор, живописец, архитектор, поэт эпохи Возрождения, выразивший в своем творчестве идеалы Возрождения и трагическое ощущение кризиса гуманизма в период т.н. позднего Ренессанса. *Страшный суд* (1536 — 1541) — фреска, находящаяся на алтарной стене Сикстинской капеллы. *Флоренция* — город в центральной части Италии. *Челлини* Бенвенуто (1500 — 1571) — итальянский скульптор, писатель, автор знаменитых мемуаров "Жизнь Бенвенуто Челлини, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции". *Боккачо* Джованни (1313 — 1375) — итальянский писатель эпохи раннего Возрождения, автор "Декамерона" (1530 — 1553) и кн. "Жизнь Данте Алигьери", а также ряда поэм и повестей. *Макиавелли* Никколо (1469 — 1527) — итальянский политический мыслитель, историк и писатель, сторонник сильной государственной власти, для упрочения которой допускал любые средства, даже если они шли вразрез с этикой и моралью. *Петрарка* Франческо (1304 — 1374) — итальянский поэт, считающийся родоначальником гуманистической эпохи Возрождения. *...выходец из Ада величавый* — Данте Алигьери (1265 — 1321) — итальянский поэт, вершиной творчества которого считается "Божественная комедия", состоявшая из трех частей ("Ад", "Чистилище", "Рай"). *Арно* — река в Италии, на которой расположена Флоренция, один из любимейших городов Мережковского: "Я не знаю ничего более сокровенного и загадочного, чем <темная?> тусклая, гордая Флоренция, к<ото>рая не удостаивает иметь ни одного яркого венецианского цвета. Если бы вы в л ю б и л и с ь, вы знали бы, о каких темных тайнах я говорю. Флоренция — как Мона Лиза" (из письма Д. Мережковского П.П. Перцову 20 окт. 1897 г./ЦГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед.хр.149. Л.9).

Парки. Опубл. в "Северн. вестнике" (1892. № 10). *Парки* — богини судьбы, изображались в виде трех старух-сестер, прядущих нить человеческой жизни: Клото пряла пряжу, Лахесис тянула нить, "рассекала" ее парка Антропа (древнерим. мифол.).

Morituri. Опубл. в "Северн. вестнике" (1891. №№ 2, 3). Текст стих. представляет собой строфы 67 — 68 поэмы "Смерть"; печ. и в качестве отдельного стих. *Salutant, Caesar Imperator, Te morituri!* — перефразировка латинского изречения "Ave, Caesar Imperator, moriturite salutant!" ("Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!"), традиционного клича римских гладиаторов при выходе на арену. У Мережковского "предтечи" нового искусства и новой веры уподоблены обреченным на смерть гладиаторам.

Изгнанники. Опубл. в журн. "Нива" (1893, № 49).

Голубое небо. Опубл. в "Северн. вестнике" (1894. № 11).

Пчелы. Опубл. в лит. прилож. к журн. "Нива" (1894 № 10).

Дети ночи. Опубл. в журн. “Рус. мысль“ (1894. № 9) под загл. “Пред зарею“; один из манифестов “старшего“ символизма. Стих. подготавливает систему наиболее существенных символов новой школы. Размышлениями о судьбе поколения, родившегося в переходное время, проникнута и кн. Мережковского “О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы“ (СПБ., 1893).

De Profundis. Название — по первым словам покаянного псалма, который поется при отпевании по католическому обряду; молитва о помощи.

Эту заповедь в сердце своем напиши... Одно из характерных, уже собственно “символических“ стих. с яркой панэстетической окраской.

Не надо звуков. Опубл. в “Северн. вестнике“ (1895. № 8).

Темный ангел. Опубл. в “Северн. вестнике“ (1895. № 10).

Песня солнца. Опубл. в журн. “Труд“ (1894. № 12). *Эоловы струны* — имеется в виду арфа бога ветров Эола, издававшая нежные звуки при восходе солнца и при малейшем дуновении ветерка. *Евхаристия* — одно из семи христианских таинств, причащение. В стих. “декадентски“ слиты воедино ницшеанский мотив поклонения солнцу, культ “богоподобной наготы“ тела (“святой плоти“) с темой причастия.

Леонардо да Винчи. Опубл. в “Северн. вестнике“ (1895. № 5). *Леонардо да Винчи* (1452 — 1519) — знаменитый художник и ученый эпохи Возрождения. По концепции Мережковского, Леонардо да Винчи — предтеча сложной, крайне противоречивой личности эпохи “конца века“, воплощает тип демонической личности с чертами “сверхчеловека“. Аналогичный, более детально выписанный облик Леонардо создан Мережковским во 2-й части трилогии “Христос и Антихрист“ (“Воскресшие Боги“). *Сфинкс* — крылатое чудовище с туловищем льва и женской головой. Зд.: загадочное существо.

Леда. *Леда и Лебедь* (древнегреч. мифол.) — Леду, жену спартанского царя, полюбил Зевс и спустился к ней с Олимпа. От их союза родилась Елена Прекрасная, Кастор и Поллукс. *Елена* — жена спартанского царя Менелая. Похищение Елены троянцем Парисом послужило поводом к Троянской войне: греки осаждали Трою (Илион) 10 лет (см. рассказ об этих событиях в “Илиаде“ Гомера). *Гекуба* — мать Париса, жена троянского царя Приама. *Андромаха* — супруга Гектора, сына Гекубы. *Песнь Омира* — имеется в виду “Илиада“ Гомера. 3-я часть стих. — “декадентская“ — с явно выраженной апологией Красоты, стоящей выше этического начала, но именно она, Красота, — единственная “надежда мира“.

Нирвана. Опубл. в “Северн. вестнике“ (1896. № 1). *Нирвана* — одно из центральных понятий буддийской религии, означающее состояние высшего блаженства, завершение “жизни“, конечную цель человеческих стремлений, “покой и волю“.

Двойная бездна. Опубл. в журн. “Мир искусства“ (1901. № 5). *Бездной верхней* (“небо“) и *бездной нижней* (“земля“) Мережковский называл мистически истолкованную “духовную“ и “плотскую“ жизнь человека. Истоки подхода — гностическая символика и учение о “синтезе“ Вл. Соловьева. Мережковский видит выход из противоречия в преодолении религиозной двойственности путем “нового религиозного синтеза“, примирения двух “бездн“.

О, если бы душа была полна любовью... Стих. вошло в “Собр. стихов: 1883 — 1903“ (М.: Скорпион, 1904). *Ламма! Ламма! Савахфани* (“Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты меня оставил?“) последние слова Иисуса Христа (Ев. Марка, гл. XV, 34). *Ты и я — одно и то же* — связано с библейским “Я и Отец — одно!“ (Ев. Иоанна, гл. IX, 30). Мережковский провидит будущее слияние “земли“ и “неба“, “духа“ и “плоти“ — в “одно“ целое. Для этого человечеству предстоит понять, что своим распятием и воскрешением Христос открыл истину о “всеобщем воскрешении“.

Молитва о крыльях. Опубл. в альм. “Северн. цветы на 1902 год“ (М., 1902). Одно из характерных стих. Мережковского с “молитвенным“ складом. Мотивы крыла, полета зачастую связаны у Мережковского с идеей превращения человека в свободную “крылатую“ личность (вариант “богочеловека“ Вл.Соловьева).

Веселые думы. Это стих., напр., А. Блок считал “лучшим“ из всего поэтического наследства Мережковского: “Здесь как бы навеки дал Мережковский расписку в том, что он художник <...> Жить в наши дни очень больно и очень стыдно; художнику — особенно. Но, кажется, “веселые думы“ и есть тяжелый наш крест, который надо нести, пока сам себе не скажешь: “Отдохни!“ (Б л о к А. Собр. соч.: в 8т. М.:Л., 1962. Т.5. С.366)

ЗИНАИДА ГИППИУС

З. Н. ГИППИУС

Изучение русской художественной культуры начала XX в. подошло к тому отрадному этапу, когда из забвения и полузабвения стали извлекаться имена, некогда задававшие тон литературной жизни. Зачастую это отнюдь не третьестепенные явления своего времени, но "звезды первой величины", в силу разных обстоятельств оказавшиеся на периферии внимания последующих поколений. Зинаида Николаевна Гиппиус, безусловно, принадлежит к ним. Ее фигура, вскользь, но неизменно враждебно, тенденциозно и искаженно преподносимая русскому читателю, нуждается в "реабилитации" и беспристрастном изучении. Не только потому, что творческое наследие Гиппиус — поэта, прозаика, критика и мемуариста — велико, но и потому, что она была тесно связана с крупнейшими деятелями своей эпохи (А. Блоком, Андреем Белым, В. В. Розановым, Н. Бердяевым, Ф. Сологубом, художниками "Мира искусства" и др.); не только потому, что ее личность фокусировала основные черты и противоречия эпохи "великих потрясений", но и потому, что З. Гиппиус — блестящий мемуарист и видный деятель русского зарубежья. И потому, наконец, что она сумела не только не остаться в "тени" своего знаменитого мужа, но и не затеряться даже на пестром и полном ярчайших "звезд" литературном небосклоне "серебряного века".

З. Гиппиус родилась 8 ноября 1869 г. в г. Белеве Тульской губернии. Она принадлежала к старинной немецкой фамилии, приехавшей в Россию, по семейным преданиям, еще в XYI в. В детстве З. Гиппиус пришлось в силу домашних причин жить в разных городах: Туле, Нежине, Ялте, Тифлисе, Москве. В 1888 г. судьба свела ее с Д. Мережковским. Эта встреча определила ее дальнейшую жизнь и на долгие годы связала с Петербургом.

Творческий путь З. Гиппиус довольно динамичен: он отмечен несколькими переломами.

Стихи З. Гиппиус начала писать рано, но в отличие от Мережковского никогда не писала á la Надсон, ей не пришлось преодолевать влияния народнической поэзии. В литературную среду Петербурга З. Гиппиус вошла легко и безболезненно, широко печаталась во многих журналах рубежа веков и, несмотря на эгоизм молодости, не прошла мимо "благоухания седин" и оставила теплые воспоминания о "знаменитых стариках" конца века — А. Плещееве, Я. Полонском, П. Вейнберге, Д. Григоровиче. Но собственное творчество развивалось как бы "помимо" них, даже "в пику" идеалам маститых предшественников. Живая, умная, талантливая, юная З. Гиппиус тонко ощущала процессы распада старых форм искусства и жизни и чувствовала себя предвозвестником иного бытия. Собственная "особенность", Тайна Личности, Тайна Прекрасного, Тайна Смерти, по признанию З. Гиппиус, составляли средоточие ее интересов и создали "своеструнность" ее поэзии.

В ранней лирике З. Гиппиус выступает как ученица многих учителей — Ницше, Метерлинка, Бодлера, французских символистов, впитав в себя идейную атмосферу журнала "Северный вестник". В стихотворениях 1890-х гг. звучит весь комплекс "декадентских" мотивов поэзии конца века: прикованность к земной "пыли", отрицание реальности — вплоть до эпатирующей мольбы о смерти; поиск утешения в бесстрастии, одиночестве, вере в свою избранность, устремленность к неземным идеалам, неведомому, невоплотимому на земле идеалу. Декадентское содержание стихов облачалось в безукоризненную форму, отмечаемую многими современниками. Поиску "новой красоты", даже "красоты от дьявола" —

О, мудрый Соблазнитель,
Злой Дух, ужели ты —
Непонятый Учитель
Великой Красоты
(1895)

— посвящены и первые сборники рассказов З. Гиппиус "Новые люди" (1896) и "Зеркала" (1898).

Декадентский "чистый эстетизм" уживался при этом со стремлением увидеть в Красоте едва ли не единственную надежду на преображение мира.

В прозе в большей степени, чем в лирике, проявилась тенденция к синтезу индивидуализма, часто ницшеански окрашенного, и утопий Вл. Соловьева, влияние которого на обоих Мережковских неоспоримо и вполне соотносимо с их "ницшеанством". Этот путь привел к ощутимому повороту в творчестве З. Гиппиус: религиозный пафос возобладал, искусство начало подчиняться задачам религиозно-мистического характера. Декадентский скепсис и взгляд в "запредельное" сменяются верой в возможность воплощения "царства Божия на земле". На рубеже веков З. Гиппиус начинает удивившую многих яростную борьбу с "декадентами"-индивидуалистами (В. Брюсовым, А. Добролюбовым, И. Коневским) — как с "упадком", бесперспективным направлением в культуре. На щит поднимаются собственно "символисты" ("возрождение"), т. е. те писатели, которые в своем творчестве сознательно или бессознательно предрекают пришествие "нового мира".

Охватившая Мережковских идея "нового религиозного сознания" не осталась просто "интеллектуальным", умозрительным увлечением. Оба сознавали, что нельзя жить лишь ожиданием новой "Иоанновой Церкви", и, будучи от природы деятелями, Мережковские начали практическое осуществление своей идеи. Именно З. Гиппиус принадлежала мысль о создании Религиозно-философских собраний (молва вообще часто именно ей приписывала россыпи тех идей и мыслей, которые находили впоследствии свое подробное изложение в работах Д. Мережковского), осуществленных вместе с Мережковским и В. Розановым и не имевших аналогов в истории России. Вторым важнейшим эпизодом реализации "вселенской задачи" введения "прелести культуры" в религию (А. Блок) стало создание Мережковскими религиозно-философского журнала "Новый путь" (1903—1904), объединившего духовную и светскую интеллигенцию.

Почти полностью преодолеваются в творчестве З. Гиппиус "соблазны" декадентства — лирика этих лет отражает новые мироощущения поэта. Многие стихотворения прямо соотнесены с "неохристианскими" исканиями, с мистикой и эсхатологией искомой религии "Третьего Завета". Отражение этих умонастроений в творчестве З. Гиппиус оказывается более острым, "пряным", чем у Мережковского. Обращения к Богу многочисленны, личностны, "пристрастны", испытующи, порой дерзки и почти кощунственны, далеко не всегда они выдержаны в духе христианского смирения и покорности. При этом стихотворения, исполненные истинного лиризма, порой сочетаются со стихами "тенденциозными", программно-"неохристианскими". Эта рассудочная струя в творчестве З. Гиппиус была подмечена современниками и, быть может, точнее всего выражена в формуле Н. Гумилева — "Больная Жемчужина".

В жизни поведение З. Гиппиус также "двоится": страстный проповедник новой религии, учитель и наставник молодых поэтов, З. Гиппиус одновременно — экстравагантная, умная, "колючая", ироничная, любящая "срезать" новичка и склонная к самым "декадентским" демоническим играм, хозяйка одного из самых ярких салонов петербургского литературного мира. Освобождаясь от чар Гиппиус, В. Брюсов писал ей: "Вы увлечете каждого за собой, но не соблазните и не спасете никого". Возможно, двуликость З. Гиппиус и была причиной многих "измен" со стороны тех, кого она опекала и приобщала к своему "пути". Самой разительной оказалась "измена" Блока. Был и другой источник, питавший "страсть к разрывам", — максимализм Гиппиус, тонко подмеченный Ниной Берберовой, утверждавшей, что в дружбе Гиппиус принимала только "глобальное согласие", только "тоталитарный унисон".

В революционные и послереволюционные годы Мережковские были настроены довольно радикально, они боролись с реакцией, с проявившимися в критический момент русской истории явлениями "массовой культуры" и порнографии, с настроениями депрессии и пессимизма, охватившими общество после поражения революции 1905 года. Одновременно это было попыткой преодоления камерности символизма и создания подлинной "религиозной общественности", способной разрешить накопившиеся больные и трагические вопросы русской истории. Творчество З. Гиппиус в это время заметно расширяется: изданы новые сборники рассказов ("Черное по белому", 1908; "Лунные муравьи", 1912); романы "Чертова кукла" (1911) и "Роман Царевич" (1912); пьеса "Зеленое кольцо" (1916).

Если Д. Мережковский был всегда "немного марсианин", "витал в стратосфере" (Г. Адамович), был человеком "книжной" культуры, полностью поглощенным тысячелетними судьбами человечества, то З. Гиппиус больше притягивало "земное", конкретные люди с их психологией и жизнью. По верному наблюдению В. Брюсова, "дальнозоркость", провидческий дар одного были дополнены "близорукостью" и острой наблюдательностью другой, придавая особое гармоническое единство и нерасторжимость их союзу. Внимание к частному, к деталям, к отдельным явлениям, из которых и составля-

ется живой поток современной жизни, сделало З. Гиппиус интересным и острым критиком своей эпохи, известным под псевдонимом Антон Крайний. З. Гиппиус-критик обычно избегала участия в долгой теоретической полемике, почти демонстративно не вникала в оттенки позиции своего оппонента: ее рецензии и критические статьи были "приговорами", отличались особой жесткостью и хлесткостью, а часто и "крайностью" суждений. З. Гиппиус умела не только обнаружить "ахиллесову пяту" того или иного писателя, найти уязвимое место в его позиции, но и увидеть в частном проявление общих закономерностей, скрытый смысл происходящего. Особенной ожесточенностью и непримиримостью отличались ее статьи, направленные против "мистического анархизма", журналов "Золотое руно", "Перевал": они резко поляризовали враждующие стороны и обнажали противоречия кризисной эпохи символизма.

Начало первой мировой войны было воспринято З. Гиппиус как "духовное падение" и атрофия и русской, и европейской жизни. Гиппиус напряженно всматривалась в грядущее, пытаясь понять сокровенный смысл происходящих событий. "Светлые" дни февральской революции она противопоставила разрушению и "бесовству" Октября, неприемлемого ею в силу его "антиэстетичности", насаждаемого культа "серости" и посредственности, насилия и крови. В образе апокалипсического "зверя из бездны" являлся ей истинный облик свершившейся революции. Неизбежным для Гиппиус стал и разрыв с теми, кто прельстился "музыкой революции". Меняется и поэзия З. Гиппиус, она облачается в "гражданское одеяние" и становится в сущности поэтическим эквивалентом поразительных "Петербургских дневников", трагической летописи 1914—1919 гг. Яростные, "мстящие" стихи З. Гиппиус — чрезвычайно интересный во многих отношениях документ этой переломной эпохи.

Литературная деятельность З. Гиппиус в эмиграции отличается обширностью и многосторонностью. В Париже Мережковские организуют общество "Зеленая лампа", на котором обсуждаются религиозно-философские проблемы и читают свои доклады Бердяев, Мережковский, Л. Шестов и др. Общество собирает широкий круг русских эмигрантов: Г. Иванов, Вл. Ходасевич, Г. Адамович, И. Одоевцева, Ю. Терапиано, Н. Берберова, Н. Оцуп, М. Алданов и др. В эмиграции З. Гиппиус издает два сборника стихотворений ("Литературный дневник. Стихи", 1922; "Сияния", 1938) и книгу превосходно написанных мемуаров "Живые лица" (1925), пишет воспоминания о муже — "Дмитрий Мережковский" (изданы посмертно в 1951 г.) — с которым Гиппиус не расставалась ни на один день.

З. Гиппиус умерла в возрасте 76 лет в Париже и похоронена рядом с Д. С. Мережковским на кладбище Sainte Genevieve des Bois.

Сиянья

Сиянье слов... Такое есть ли?
Сиянье звезд, сиянье облаков —
Я все любил, люблю... Но если
Мне скажут: вот сиянье слов —
Отвечу, не боясь признанья,
Что даже святости блаженное сиянье
Я за него отдать готов...
Все за одно сиянье слов!

Сиянье слов? О, повторять ли снова
Тебе, мой бедный человек-поэт,
Что говорю я о сияньи Слова,
Что на земле других сияний нет?

Бессилие

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью — над небесами, —
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог — но не могу молиться,
Хочу любви — и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю —
И только для нее не знаю слов.

‹18›93

Песня

Окно мое высоко над землею,
Высоко над землею.
Я вижу только небо с вечернею зарею, —
С вечернею зарею.

И небо кажется пустым и бледным,
Таким пустым и бледным...
Оно не сжалится над сердцем бедным,
Над моим сердцем бедным.

Увы, в печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь к тому, чего не знаю,
Не знаю...

И это желание не знаю откуда,
Пришло откуда,
Но сердце хочет и просит чуда,
Чуда!

О, пусть будет то, чего не бывает,
Никогда не бывает:
Мне бледное небо чудес обещает,
Оно обещает,

Но плачу без слез о неверном обете,
О неверном обете...
Мне нужно то, чего нет на свете,
Чего нет на свете.

‹18›93

Посвящение

Небеса унылы и низки,
Но я знаю — дух мой высок.
Мы с тобою так странно близки,
И каждый из нас одинок.

Беспощадна моя дорога,
Она меня к смерти ведет.
Но люблю я себя, как Бога, —
Любовь мою душу спасет.

Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать,
Если я на себя восстану
И счастья осмелюсь желать, —

Не покинь меня без возврата
В туманные, трудные дни.
Умоляю, слабого брата
Утешь, пожалей, обмани.

Мы с тобой единственно близки,
Мы оба идем на восток.
Небеса злорадны и низки,
Но я верю — дух наш высок.

‹18›94

Надпись на книге

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я все уединенное,
Неявное люблю.

Я — раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

‹18›96

Молитва

Тени луны неподвижные...
Небо серебряно-черное...
Тени, как смерть, неподвижные..
Живо ли сердце покорное?

Кто-то из мрака молчания
Вызвал на землю холодную,
Вызвал от сна и молчания
Душу мою несвободную.

Жизни мне дал унижение,
Боль мне послал непонятную...
К Давшему мне унижение
Шлю я молитву невнятную.

Сжалься, о Боже, над слабостью
Сердца, Тобой сотворенного,
Над бесконечною слабостью
Сердца, стыдом утомленного.

Я — это Ты, о Неведомый,
Ты — в моем сердце Обиженный,
Так подними же, Неведомый,
Дух Твой, Тобою униженный.

Прежнее дай мне безмолвие,
О, возврати меня вечности...
Дай погрузиться в безмолвие,
Дай отдохнуть в бесконечности!..

‹18›97

Соблазн

П. П. Перцову

Великие мне были искушенья.
Я головы пред ними не склонил.
Но есть соблазн... соблазн уединенья...
Его доныне я не победил.

Зовет меня лампада в тесной келье,
Многообразие последней тишины,
Блаженного молчания веселье —
И нежное вниманье сатаны.

Он служит: то светильник зажигает,
То рясу мне поправит на груди,
То спавшие мне четки подымает
И шепчет: «С Нами будь, не уходи!

Ужель ты одиночества не любишь?
Уединение — великий храм.
С людьми... их не спасешь, себя погубишь,
А здесь, один, ты равен будешь Нам.

Ты будешь и не слышать, и не видеть,
С тобою — только Мы да тишина.
Ведь тот, кто любит, должен ненавидеть,
А ненависть от Нас запрещена.

Давно тебе моя любезна нежность...
Мы вместе, вместе... и всегда одни;
Как сладостна спасенья безмятежность!
Как радостны лампадные огни!»

. . . .

О, мука! О, любовь! О, искушенье!
Я головы пред вами не склонил.
Но есть соблазн — соблазн уединенья,
Его никто еще не победил.

‹19›00

Не знаю

Мое одиночество — бездонное, безгранное;
но такое душное; такое тесное;
приползло ко мне чудовище, ласковое, странное,
мне в глаза глядит и что-то думает — неизвестное.

Все зовет меня куда-то и сулит спасение — неизвестное;
и душа во мне горит... ему принадлежу отныне я;
все зовет меня и обещает радость и мученье крестное,
и свободу от любви и от уныния.

Но как отречься от любви и от уныния?
Еще надеждою душа моя окована.
Уйти не смею я... И для меня есть скиния, —
но я не знаю, где она мне уготована.

‹19›01

Там

Я в лодке Харона, с гребцом безучастным.
Как олово, густы тяжелые воды.
Туманная сырость над Стиксом безгласным.
Из темного камня небесные своды.
Вот Лета. Не слышу я лепета Леты.
Беззвучны удары раскидистых вёсел.
На камень небесный багровые светы
Фонарь наш неяркий и трепетный бросил.
Вода непрозрачна и скована ленью...
Разбужены светом, испуганы тенью,
Преследуют лодку в бесшумной тревоге
Тупая сова, две летучие мыши,
Упырь тонкокрылый, седой и безногий...
Но лодка скользит не быстрей и не тише.
Упырь меня тронул крылом своим влажным...
Бездумно слежу я за стаей послушной,
И все мне здесь кажется странно-неважным,
И сердце, как там, на земле, — равнодушно.
Я помню, конца мы искали порою
И ждали, и верили смертной надежде...

Но смерть оказалась такой же пустою,
И так же мне скучно, как было и прежде.
Ни боли, ни счастья, ни страха, ни мира,
Нет даже забвения в ропоте Леты...
Над Стиксом безгласным туманно и сыро,
И алые бродят по камням отсветы.

‹19›00

Предел

Д. В. Философову

Сердце исполнено счастьем желанья,
Счастьем возможности и ожиданья, —
Но и трепещет оно и боится,
Что ожидание — может свершиться...
Полностью жизни принять мы не смеем,
Тяжести счастья поднять не умеем,
Звуков хотим, — но созвучий боимся,
Праздным желаньем пределов томимся,
    Вечно их любим, вечно страдая, —
    И умираем, не достигая...

‹19›01

Мертвая заря

Пусть загорается денница,
В душе погибшей — смерти мгла.
Душа, как раненая птица,
Рвалась взлететь — но не могла.

И клонит долу грех великий,
И тяжесть мне не по плечам.
И кто-то жадный, темноликий
Ко мне приходит по ночам.

И вот — за кровь плачу я кровью.
Друзья! Вы мне не помогли
В тот час, когда спасти любовью
Вы сердце слабое могли.

О, я вины не налагаю:
Я в ваши верую пути,
Но гаснет дух... И ныне — знаю —
Мне с вами вместе не идти.

‹19›01

До дна

Тебя приветствую, мое поражение,
тебя и победу я люблю равно,
на дне моей гордости лежит смирение,
и радость, и боль — всегда одно.

Над водами, стихнувшими в безмятежности
вечера ясного, — все бродит туман;
в последней жестокости — есть бездонность нежности
и в Божьей правде — Божий обман.

Люблю я отчаяние мое безмерное,
нам радость в последней капле дана.
И только одно здесь я знаю верное:
надо всякую чашу пить — до дна.

‹19›01

Христу

Мы не жили — и умираем
Среди тьмы.
Ты вернешься... Но как узнаем
Тебя — мы?

Все дрожим и себя стыдимся,
Тяжел мрак.
Мы молчаний Твоих боимся...
О, дай знак!

Если нет на земле надежды —
То всё прах.
Дай коснуться Твоей одежды,
Забыть страх.

Ты во дни, когда был меж нами,
Сказал Сам:
«Не оставлю вас сиротами,
Приду к вам».

Нет Тебя. Душа не готова,
Не бил час.
Но мы верим, — Ты будешь снова
Среди нас.

‹19›01

Нескорбному учителю

Иисус, в одежде белой,
Прости печаль мою!
Тебе я дух несмелый
И тяжесть отдаю.
Иисус, детей надежда!
Прости, что я скорблю!
Темна моя одежда,
Но я Тебя люблю.

‹19›01

Божья тварь

За Дьявола Тебя молю,
    Господь! И он — Твое созданье.
Я Дьявола за то люблю,
    Что вижу в нем — мое страданье.

Борясь и мучаясь, он сеть
    Свою заботливо сплетает...
И не могу я не жалеть
    Того, кто, как и я, — страдает.

Когда восстанет наша плоть
    В Твоем суде, для воздаянья,
О, отпусти ему, Господь,
    Его безумство — за страданье.

‹19›02

Пьявки

Там, где заводь тихая, где молчит река,
Липнут пьявки черные к корню тростника.

В страшный час прозренья, на закате дней,
Вижу пьявок, липнущих и к душе моей.

Но душа усталая мертвенно тиха.
Пьявки, пьявки черные жадного греха!

‹19›02

Белая одежда

Побеждающему Я дам белые одежды.
АПОКАЛИПСИС

Он испытует — отдалением,
Я принимаю испытание.
Я принимаю со смирением
Его любовь — Его молчание.

И чем мольба моя безгласнее —
Тем неотступней, непрерывнее,
И ожидание — прекраснее,
Союз грядущий — неразрывнее.

Времен и сроков я не ведаю,
В Его руке Его создание...
Но победить — Его победою —
Хочу последнее страдание.

И отдаю я душу смелую
Мое страданье Сотворившему.
Сказал Господь: «Одежду белую
Я посылаю — победившему».

‹19›02

Душа

Я ждал полета и бытия.
Но мертвый ястреб — душа моя.
Как мертвый ястреб, лежит в пыли,
Отдавшись тупо во власть земли.
Разбить не может ее оков.
Тяжелый холод — земной покров.
Тяжелый холод в душе моей,
К земле я никну, сливаюсь с ней.
И оба мертвы — она и я.
Убитый ястреб — душа моя.

‹19›04

Она

В своей бессовестной и жалкой низости
Она, как пыль сера, как прах земной.
И умираю я от этой близости,
От неразрывности ее со мной.

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змея.
Меня изранила противно-жгучая
Ее коленчатая чешуя.

О, если б острое почуял жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха.
Такая тяжкая, такая вялая,
И нет к ней доступа — она глуха.

Своими кольцами она, упорная,
Ко мне ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная — моя душа!

‹19›05 СПБ.

Водоскат

А. А. Блоку

Душа моя угрюмая, угрозная,
Живет в оковах слов.
Я — черная вода, пенноморозная,
Меж льдяных берегов.

Ты с бедной человеческою нежностью
Не подходи ко мне.
Душа мечтает с вящей безудержностью
О снеговом огне.

И если в мглистости души, в иглистости
Не видишь своего, —
То от тебя ее кипящей льдистости
Не нужно ничего.

‹19›05

А потом?..

Ангелы со мной не говорят.
Любят осиянные селенья,
Кротость любят и печать смиренья.
Я же не смиренен и не свят:

Ангелы со мной не говорят.

Темненький приходит дух земли.
Лакомый и большеглазый, скромный.
Что ж такое, что малютка — темный?
Сами мы не далеко ушли...

Робко приползает дух земли.

Спрашиваю я про смертный час.
Мой младенец, хоть и скромен, — вещий.
Знает многое про эти вещи.
Что, скажи-ка, слышал ты о нас?

Что это такое — смертный час?

Темный ест усердно леденец.
Шепчет весело: «И все, ведь, жили.
Смертный час пришел — и раздавили.
Взяли, раздавили — и конец.

Дай-ка мне четвертый леденец.

Ты рожден дорожным червяком.
На дорожке долго не оставят.
Ползай, ползай, а потом раздавят.
Каждый, в смертный час, под сапогом,

Лопнет на дорожке червяком.

Разные бывают сапоги.
Давят, впрочем, все они похоже.
И с тобою, милый, будет то же.
Чьей-нибудь отведаешь ноги...

Разные на свете сапоги.

Камень, нож иль пуля, всё — сапог.
Кровью ль сердце хрупкое зальется,
Болью ли дыхание сожмется,
Петлей ли раздавит позвонок —

Иль не все равно, какой сапог?»

Тихо понял я про смертный час.
Я ласкаю гостя, как родного,
Угощаю и пытаю снова:
Вижу, много знаете о нас!

Понял, понял я про смертный час.

Но когда раздавят — что потом?
Что, скажи? Возьми еще леденчик,
Кушай, кушай, мертвенький младенчик!
Не взял он. И поглядел бочком:

«Лучше не скажу я, что — потом».

Январь ‹19›11
Канн

Возня

Остов разложившейся собаки
Ходит вкруг летящего ядра.
Долго ли терпеть мне эти знаки?
Кончится ли подлая игра?

Все противно в них: соединенье
И согласный, соразмерный ход,
И собаки тлеющей крученье,
И ядра бессмысленный полет.

Если б мог собачий труп остаться,
Ярко пламенным столбом сгореть!
Если б одному ядру умчаться,
Одному свободно умереть!

Но в мирах надзвездных нет событий,
Все летит, летит безвольный ком.
И крепки вневременные нити:
Песий труп вертится за ядром.

Ноябрь ‹19›12
СПБ.

Не будем как солнце

Ропшину

О, нет. Не в падающий час закатный,
Когда, бледнея, стынут цветы дня,
Я жду прозрений силы благодатной...

Восток — в сияньи крови и огня:
Горело, рдело алое кадило,
Предвестный ветер веял на меня,

И я глядел, как медленно всходило,
Багряной винностью окроплено,
Жестокое и жалкое светило.

Во славе, в пышности своей, оно,
Державное Величество природы,
Средь голубых пустынь — всегда одно;

Влекутся соблазненные народы
И каждому завидуют лучу.
Безумные! Во власти — нет свободы,

Я солнечной пустыни не хочу, —
В ней рабье одиночество таится, —
А ты — свою посмей зажечь свечу,

Посмей роптать, но в ропоте молиться,
Огонь земной свечи хранить, нести
И, покоряя, — вольно покориться.

Умей быть верным верному пути,
Умей склоняться у святых подножий,
Свободно жизнь свободную пройти

И слушать... И услышать голос Божий.

Январь ‹19›11
Канн

Берегись...

Не разлучайся, пока ты жив,
Ни ради горя, ни для игры.
Любовь не стерпит, не отомстив,
Любовь отнимет свои дары.

Не разлучайся, пока живешь,
Храни ревниво заветный круг.
В разлуке вольной таится ложь.
Любовь не любит земных разлук,

Печально гасит свои огни,
Под паутиной пустые дни,

А в паутине — сидит паук.
Живые, бойтесь земных разлук!

Январь ‹19›13
СПБ.

У порога

На сердце непонятная тревога,
Предчувствий непонятных бред.
Гляжу вперед — и так темна дорога,
Что, может быть, совсем дороги нет.

Но словом прикоснуться не умею
К живущему во мне — и в тишине.
Я даже чувствовать его не смею:
Оно, как сон. Оно, как сон во сне.

О, непонятная моя тревога!
Она томительней день ото дня.
И знаю: скорбь, что ныне у порога,
Вся эта скорбь — не только для меня!

1913
С. Петербург

*L'imprévisibilité**

По слову извечно Сущего,
Бессменен поток времен,
Чую лишь ветер грядущего,
Нового мига звон.

С паденьем идет, с победою?
Оливу несет иль меч?
Лика его я не ведаю,
Знаю лишь ветер встреч.

Летят нездешними птицами
В кольцо бытия, вперед,
Миги с закрытыми лицами,
Как удержу их лет?

И в тесности, в перекрестности,
Хочу, не хочу ли я —
Черную топь неизвестности
Режет моя ладья.

1 января ‹19›14
СПБ.

* Неизвестность, непредсказуемость (фр.)

Без оправданья

Нет, никогда не примирюсь.
Верны мои проклятья.
Я не прошу, я не сорвусь
В железные объятья.

Как все, живая, умру, убью,
Как все, — себя разрушу,
Но оправданием — свою
Не запятнаю душу.

В последний час, во тьме, в огне,
Пусть сердце не забудет:
Нет оправдания войне
И никогда не будет.

И если это Божья длань —
Кровавая дорога, —
Мой дух пойдет и с ним на брань,
Восстанет и на Бога.

Апрель ‹19›16
СПБ.

Белое

Рождество, праздник детский, белый,
когда счастливы самые несчастные…
Господи! Наша ли душа хотела,
Чтобы запылали зори красные?

Ты взыщешь, Господи, но с нас ли, с нас ли?
Звезда Вифлеемская за дымами алыми…
И мы не знаем, где Царские ясли,
но все же идем ногами усталыми.

Мир на земле, в человеках благоволенье…
Боже, прими нашу мольбу несмелую:
дай земле Твоей умиренье,
дай побеждающей одежду белую…

Декабрь ‹19›15
СПБ.

Божья

Милая, верная, от века Суженая,
Чистый цветок миндаля,
Божьим дыханьем к любви разбуженная,
Радость моя — Земля!

Рощи лимонные — и березовые,
Месяца тихий круг,
Зори Сицилии, зори розовые, —
Пенье таежных вьюг,

Даль неохватная и неистовая,
Серых болот туман, —
Корсика призрачная, аметистовая
Вечером, с берега Канн,

Ласка нежданная, утоляющая
Неутолимую боль,
Шелест, дыхание, память страдающая,
Слез непролитых соль —

Всю я тебя люблю, Единственная,
Вся ты моя, моя!
Вместе воскреснем, за гранью таинственною,
Вместе, — и ты, и я!

Ноябрь ‹19›16
СПБ.

Юный март

„Allons, enfants de la patrie...” *

Пойдем на весенние улицы,
Пойдем в золотую метель.
Там солнце со снегом целуется
И льет огнерадостный хмель.

* «Вперед, сыны отечества...» (фр.).

По ветру, под белыми пчелами,
Взлетает пылающий стяг.
Цвети меж домами веселыми
Наш гордый, наш мартовский мак!

Еще не изжито проклятие,
Позор небывалой войны.
Дерзайте! Поможет нам снять его
Свобода великой страны.

Пойдем в испытания встречные,
Пока не опущен наш меч,
Но свяжемся клятвой навечною
Весеннюю волю сберечь!

8 марта ‹19›17
СПБ.

Гибель

С. И. Осовецкому

Близки
кровавые зрачки,
дымящаяся пеной пасть...
Погибнуть? Пасть?

Что — мы
Вот хруст костей... вот молния сознанья
перед чертою тьмы...
и — перехлест страданья...
Что мы! Но — Ты?

Твой образ гибнет... Где Ты?
В сияние одетый,
бессильно смотришь с высоты?
Пускай мы тень.

Но тень от Твоего Лица!
Ты вдунул Дух — и вынул?
Но мы придем в последний день,
мы спросим в день конца, —
за что Ты нас покинул?

Сентябрь ‹19›17
СПБ.

Тли

Припав к моему изголовью,
ворчит, будто выстрелы, тишина;
запекшейся черной кровью
ночная дыра полна.

Мысли капают, капают скупо,
нет никаких людей...
Но не страшно. И только скука,
что кругом, — всё рыла тлей.

Тли по мартовским алым зорям
прошли в гвоздевых сапогах.
Душа на ключе, на тяжком запоре.
Отврат... тошнота... но не страх.

28 октября ‹19›17, ночью

Веселье

Блевотина войны — октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном
Народ, безумствуя, убил свою свободу
И даже не убил — засек кнутом?

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!

29 октября ‹19›17
СПБ.

Липнет

«Новой жизни»

Не спешите, подождите, соглашатели,
кровь влипчива, если застыла;
пусть сначала красная демократия
себе добудет немножко мыла...
Детская-женская — особо въедчива:
вы потрите и под ногтями.
Соглашателям сесть опрометчиво
на Россию с пятнистыми руками.
Нету мыла — достаньте хоть месива,
чтоб каждая рука напоминала лилею...
А то смотрите: как бы не повесили
мельничного жернова вам на шею!

30 октября ‹19›17
СПБ

Сейчас

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно — жить!

Лежим, заплеваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы станем псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель — пути...

9 ноября ‹19›17
СПБ.

У.С.

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание, —
    Учредительное Собрание, —
    Что мы с ним сделали?..

12 ноября ‹19›17
СПБ.

Кто он?

Проклятой памяти безвольник
И не герой — и не злодей,
Пьеро, болтун, порочный школьник,
Провинциальный лицедей,

Упрям, по-женски своенравен,
Кокетлив и правдиво лжив,
Не честолюбец — но тщеславен
И невоспитан, и труслив...

В своей одежде неопрятной
Развел он нечисть наших дней,
Но о свободе незакатной
Звенел, чем дале, тем нежней...

Когда распучившейся гади
Осточертела песнь Пьеро —
Он, своего спасенья ради,
Исчез, как легкое перо.

Ему сосновый скучен шелест...
Как претерпеть унылый час?
А здесь не скучно: гадья челюсть,
Хрустя, дожевывает нас.

Забвенья нет тому, что было.
Не смерть позорна — пусть умрем...
Но увенчает и могилу
Пьеро — дурацким колпаком.

Март ‹19›18
СПБ.

Если

Если гаснет свет — я ничего не вижу.
Если человек зверь — я его ненавижу.
Если человек хуже зверя — я его убиваю.
Если кончена моя Россия — я умираю.

Февраль ‹19›18
СПБ.

Дверь

Мы, умные, — безумны,
Мы, гордые, — больны,
Растленной язвой чумной
Давно заражены.

От боли мы безглазы,
А ненависть — как соль,
И ест, и травит язвы,
Ярит слепую боль.

О черный бич страданья!
О ненависти зверь!
Пройдем ли покаянья
Целительную дверь?

Замки ее суровы
И створы тяжелы.
Железные засовы,
Медяные углы.

Дай силу не покинуть,
Господь, пути Твои,
Дай силу отодвинуть
Тугие вереи!

Март ‹19›18
СПБ.

А. Блоку

Дитя, потерянное всеми…

Все это было, кажется, в последний,
В последний вечер, в вешний час…
И плакала безумная в передней,
О чем-то умоляя нас.

Потом сидели мы под лампой блеклой,
Что золотила тонкий дым,
А поздние распахнутые стекла
Отсвечивали голубым.

Ты, выйдя, задержался у решетки,
Я говорил с тобою из окна.
И ветви юные чертились четко
На небе — зеленей вина.

Прямая улица была пустынна,
И ты ушел — в нее, туда…
— — — — — — — — —
Я не прощу. Душа твоя невинна.
Я не прощу ей — никогда.

Апрель 1918
СПБ.

Шел…

I

Белому и Блоку

По торцам оледенелым
В майский утренний мороз
Шел, блестя хитоном белым,
Опечаленный Христос.

Он смотрел вдоль улиц длинных
В стекла запертых дверей.
Он искал своих невинных
Потерявшихся детей.

Все — потерянные дети, —
Гневом Отчим дышат дни, —
Но вот эти, но вот эти,
Эти двое — где они?

Кто сирот похитил малых,
Кто их держит взаперти?
Я их знаю, Ты мне дал их,
Если отнял — возврати…

Покрывало в ветре билось,
Божьи волосы крутя...
Не хочу, чтоб заблудилось
Неразумное дитя...

В покрывале ветер свищет,
Гонит с севера мороз...

Никогда их не отыщет,
Двух потерянных, — Христос.

Май ‹19›18
СПБ.

II

Всем, всем, всем

По камням ночной столицы
Провозвестник Божьих гроз,
Шел, сверкая багряницей,
Негодующий Христос.

Темен лик Его суровый,
Очи гневные светлы.
На веревке, на пеньковой,
Тугосвитые узлы.

Волочатся, пыль целуют
Змиевидные концы...
Он придет, Он не минует,
В ваши храмы и дворцы.

К вам, убийцы, изуверы,
Расточители, скопцы,
Торгаши и лицемеры,
Фарисеи и слепцы!

Вот на празднике нечистом
Он застигнет палачей,
И вопьются в них со свистом
Жала тонкие бичей.

Хлещут, мечут, рвут и режут,
Опрокинуты столы...
Будет вой и будет скрежет —
Злы пеньковые узлы!

Тише город. Ночь безмолвней.
Даль притайная пуста.
Но сверкает ярче молний
Лик идущего Христа.

Май ‹19›18
СПБ.

Свеча ненависти

Рабы, лгуны, убийцы, тати ли —
Мне ненавистен всякий грех.
Но вас, Иуды, вас, предатели,
Я ненавижу больше всех.

Со страстью жду, когда изведаю
Победный час, чтоб отомстить,
Чтоб вслед за мщеньем и победою
Я мог поверженным — простить.

Но есть предатели невинные:
Странна к ним ненависть моя...
Ее и дни, и годы длинные
В душе храню ревниво я.

Ревниво теплю безответную
Неугасимую свечу.
И эту ненависть заветную
Люблю... но мести не хочу.

Пусть к черной двери искупления
Слепцы-предатели идут...
Что значу я? Не мне отмщение,
Не мой над ними будет суд.

Мне только волею Господнею
Дано у двери сторожить,
Чтоб им ступени в преисподнюю
Моей свечою осветить.

Июнь ‹19›18

14 декабря 18 г.

Нас больше нет. Мы всё забыли,
Взвихрясь в невиданной игре.
Чуть вспоминаем, как вы стыли
В каре, в далеком декабре.

И как гремящий Зверь железный
Вас победив — не победил...
Его уж нет — но зверь из бездны
Покрыл нас ныне смрадом крыл.

Наш конь домчался, бездорожен,
Безузден, яр, — куда? куда?
И вот, исхлестан и стреножен,
Последнего он ждет суда.

Заветов тайных Муравьева
Свились напрасные листы...
Напрасно, Пестель, вождь суровый,
В узле пеньковом умер ты,

Напрасно всё: душа ослепла,
Мы преданы червю и тле,
И не осталось даже пепла
От «Русской Правды» на земле.

Декабрь 1918
СПБ.

Знайте!

Она не погибнет, — знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, — верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем, — верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется, —знайте!
И близко ее воскресенье.

Декабрь ‹19› 18
СПБ.

Лазарь

Нет, волглая земля, сырая;
только и может — тихо тлеть;
мы знаем, почему она такая,
почему огню на ней не гореть.
Бегает девочка с красной лейкой,
пустоглазая, — и проворен бег;
а ее погоняют: спеши-ка, лейка,
сюда, на камень, на доски, в снег!
Скалится девочка: «Везде побрыжжем!»
На камне — смуглость и зыбь пятна,
а снег дымится кружевом рыжим,
рыжим, рыжим, рыжей вина.
Петр чугунный сидит молча,
конь не ржет, и змей ни гу-гу.
Что ж, полюбуйся на ямы волчьи,
на рыжее кружево на снегу.
Ты, Строитель, сам пустоглазый,
ну и добро! Когда б не истлел,
выгнал бы девочку с лейкой сразу,
кружева рыжего не стерпел.
Но город и ты — во гробе оба,
ты молчишь, Петербург молчит.
Кто отвалит камень от гроба?
Господи, Господи: уже смердит...
Кто? Не Петр. Не вода. Не пламя.
Близок Кто-то. Он позовет.
И выйдет обвязанный пеленами:
«Развяжите его. Пусть идет».

1918 — 1938

Отъезд

До самой смерти... Кто бы мог подумать?
(Санки у подъезда. Вечер. Снег.)
Никто не знал. Но как было думать,
Что это — совсем? Навсегда? Навек?

Молчи! Не надо твоей надежды!
(Улица. Вечер. Ветер. Дома.)
Но как было знать, что нет надежды?
(Вечер. Метелица. Ветер. Тьма.)

Неотступное

Я от дверей не отойду.
Пусть длится ночь, пусть злится ветер.
Стучу, пока не упаду.
Стучу, пока Ты не ответишь.
Не отступлю, не отступлю,
Стучу, зову Тебя без страха:
Отдай мне ту, кого люблю,
Восстанови её из праха!
Верни ее под отчий кров,
Пускай виновна — отпусти ей!
Твой очистительный покров
Простри над грешною Россией!

И мне, упрямому рабу,
Увидеть дай ее, живую...
Открой!
Пока она в гробу,
От двери Отчей не уйду я.
Неугасим огонь души,
Стучу — дрожат дверные петли,
Зову Тебя — о, поспеши!
Кричу к Тебе — о, не замедли!

Бродячая собака

Не угнаться и драматургу
за тем, что выдумывает жизнь сама:
бродила Собака по Петербургу
и сошла Собака с ума.
Долго выла в своем подвале,
ей противно, что пол нечист.
Прежних невинных нету в зале,
завсегдатаем стал чекист.
Ей бы теплых помоев корыто
(чекистских красных она не ест...).
И, обезумев, стала открыто
она стремиться из этих мест.

Беженства всем известна картина:
было опасностей без числа.
Впрочем, Собака до Берлина
благополучно добрела.

«Здесь оснуюсь, — решила Псица, —
будет вдоволь мягких помой;
народ знакомый, родные лица:
Есенин, Белый... и А. Толстой...»

Увы, и родные не те уж ныне!
Невинных нет, грязен подвал;
и тот же дьявол-чекист в Берлине
правит все тот же красный бал.

Пришлось Собаке в Берлине круто.
Бредет, качаясь на худых ногах, —
куда? не найдет ли она приюта
у нас — на Сенских берегах?
Что же? Здесь каждый — бродяга, собака
и поглупел, скажу не в укор,
Конечно, позорна Собака, однако
это еще невинный позор.

8 ноября

Тихие сумерки... И разноцветная
медленно меркнущая морская даль.
Тоже тихая и безответная,
розово-серая во мне печаль.
Пахнет розами и неизбежностью,
кто поможет и как помочь?
Вечные смены, вечные смежности,
лето и осень — день и ночь...
Свечи кудрявятся за тихой всенощной,
к окнам узким мрак приник,
пахнет розами... Как мы немощны!
Радуйся, радуйся, Архистратиг!

Рождение

Беги, беги, пещерная вода,
Как пенье, звонкая, как пламя, чистая.
Гори, гори, небесная звезда,
Многоконечная, многолучистая.
Дыши, дыши, прильни к Нему нежней,
Святая, радостная, ночь безлунная...
В тебе рожденного онежь, угрей,
Солома легкая, золоторунная...
Несите, вести, звездные мечи,
Туда, туда, где шевелится мга,
Где кровью черной облиты снега,
Несите, вести, острые лучи,
На край земли, на самый край, туда —
Что родилась Свобода трехвенечная
И что горит восходная Звезда,
Многоочи́тая, многоконечная...

24 декабря

Прорезы

Здесь — только обещания и знаки:
Игла в закатном золоте вина,
Сияющий прорыв, прорез на мраке...
Здесь только счастье — голубого сна.

Но я земным обетам жадно внемлю.
Текут мгновения, звено к звену.
И я люблю мою родную Землю,
Как мост, как путь в зазвездную страну.

И этот вечер, весь под лунным жалом
(Все вечера, все вечера — один!),
Лишь алый знак, написанный кинжалом
На терпком холоде зеленых льдин.

И чем доверчивее, тем безгрешней,
Люблю мое высокое окно.
Одну Нездешнюю люблю я в здешней,
Люблю Ее... Она и ты — одно.

Равнодушие

«...Он пришел ко мне, а кто, не знаю,
Он плащом закрыл себе лицо...»

1906

«Он опять пришел, глядит презрительно,
Кто — не знаю, просто, он в плаще...»

1918

Он приходит теперь не так.
Принимает он рабий зрак.
        Изгибается весь покорно
И садится тишком в углу
Вдали от меня, на полу,
        Похихикивая притворно.

Шепчет: «Я, ведь, зашел, любя,
Просто так, взглянуть на тебя,
    Мешать не буду, — не смею...
Посижу в своем уголку,
Устанешь — тебя развлеку,
    Я разные штучки умею.

Хочешь в ближнего поглядеть?
Это со смеху умереть!
    Назови мне только любого.
Укажи скорей, хоть кого,
И сейчас же тебя в него
    Превращу я, честное слово!

На миг, не навек! — Чтоб узнать,
Чтобы в шкуре его побывать...
    Как минуточку в ней побудешь —
Узнаешь, где правда, где ложь,
Все до донышка там поймешь,
    А поймешь — не скоро забудешь.

Что же ты? Поболтай со мной...
Не забавно? Постой, постой,
    И другие я знаю штучки...»
Так шептал, лепетал в углу,
Жалкий, маленький на полу,
    Подгибая тонкие ручки.

Разъедал его тайный страх,
Что отвечу я? Ждал и чах,
    Обещаясь мне быть послушен.
От работы и в этот раз
На него я не поднял глаз,
    Неответен — и равнодушен.

Уходи, — оставайся со мной,
Извивайся, — но мой покой
    Не тобою будет нарушен...
И растаял он на глазах,
На глазах растворился в прах,
    Оттого, что я — равнодушен...

Над забвеньем

Я весь, и сердцем и телом,
Тебя позабыл давно,
Как будто в дому опустелом
Закрылось твое окно.

И вот, этот звук случайный,
Который я тоже забыл,
По связи какой-то тайной
Меня во мне изменил.

Душу оставил все тою,
Уму не сказал ничего,
Лишь острою теплотою
Наполнил меня всего.

Не память, — но воскресенье,
Мгновений обратный лёт...
Так бывшее над забвеньем
Своею жизнью живет.

Наставление

Молчи. Молчи. Не говори с людьми,
Не подымай с души покрова.
Все люди на земле — пойми! Пойми!
Ни одного не стоят слова.

Не плачь. Не плачь. Блажен, кто от людей
Свои печали вольно скроет.
Весь этот мир одной слезы твоей,
Да и ничьей слезы не стоит.

Таись, стыдись страданья твоего.
Иди — и проходи спокойно.
Ни слов, ни слез, ни вздоха, — ничего
Земля и люди недостойны.

Игра

Совсем неплох и спуск с горы:
Кто бури знал, тот мудрость ценит.
Лишь одного мне жаль: игры…
Ее и мудрость не заменит.

Игра загадочней всего
И бескорыстнее на свете.
Она всегда — ни для чего,
Как ни над чем смеются дети.

Котенок возится с клубком,
Играет море в постоянство…
И всякий ведал — за рулем —
Игру бездумную с пространством.

Играет с рифмами поэт,
И пена — по краям бокала…
А здесь, на спуске, разве след —
След от игры остался малый.

Пускай! Когда придет пора
И все окончатся дороги,
Я об игре спрошу Петра,
Остановившись на пороге.

И если нет игры в раю,
Скажу, что рая не приемлю.
Возьму опять суму мою
И снова попрошусь на землю.

Горное

Освещена последняя сосна.
Под нею темный кряж пушится.
Сейчас погаснет и она.
День конченный — не повторится.

День кончился. Что было в нем?
Не знаю, пролетел, как птица.
Он был обыкновенным днем,
А все-таки — не повторится.

Идущий мимо

У каждого, кто встретится случайно
Хотя бы раз — и сгинет навсегда,
Своя история, своя живая тайна,
Свои счастливые и скорбные года.

Какой бы ни был он, прошедший мимо,
Его наверно любит кто-нибудь...
И он не брошен: с высоты, незримо,
За ним следят, пока не кончен путь.

Как Бог, хотел бы знать я все о каждом,
Чужое сердце видеть, как свое,
Водой бессмертья утолять их жажду —
И возвращать иных в небытие.

Мера

Всегда чего-нибудь нет, —
Чего-нибудь слишком много...
На все как бы есть ответ, —
Но без последнего слога.

Свершится ли что — не так,
Некстати, непрочно, зыбко...
И каждый неверен знак,
В решеньи каждом — ошибка.

Змеится луна в воде —
Но лжет, золотясь, дорога...
Ущерб, перехлест везде.
А мера — только у Бога.

Как он

Георгию Адамовичу

Преодолеть без утешенья,
Все пережить и все принять,
И в сердце даже на забвенье
Надежды тайной не питать, —

Но быть, как этот купол синий,
Как он, высокий и простой,
Склоняться любящей пустыней
Над нераскаянной землей.

Воскресенье

Д. М.

Не пытай ни о чем дорогой,
Легкой ткани льняной не трогай
И в пыли не пытай следов, —
Не ищи невозможных слов.

Посмотри, как блаженны дети;
Будем просты сердцем и мы.
Нету слов об этом на свете,
Кроме слов — последних — Фомы.

Eternité Fremissante *

В. С. Варшавскому

Моя любовь одна, одна,
Но все же плачу, негодуя:
Одна, — и тем разделена,
Что разделенное люблю я.

О Время! Я люблю твой ход,
Порывистость и равномерность.
Люблю игры твоей полет,
Твою изменчивую верность.

Но как не полюбить я мог
Другое радостное чудо:
Безвременья живой поток,
Огонь, дыхание «оттуда»?

Увы, разделены они —
Безвременность и Человечность.
Но будет день: совьются дни
В одну — Трепещущую Вечность.

* Трепещущая Вечность (фр.).

Когда?

В церкви пели Верую,
весне поверил город.
Зажемчужилась арка серая,
засмеялись рои моторов.
Каштаны веточки тонкие
в мартовское небо тянут.
Как веселы улицы звонкие
в желтой волне тумана.
Жемчужьтесь, стены каменные,
марту, ветки, верьте...
Отчего у меня такое пламенное
желание — смерти?
Такое пристальное, такое сильное,
как будто сердце готово.
Сквозь пенье автомобильное
не слышит ли сердце зова?

Господи! Иду в неизвестное,
но пусть оно будет родное.
Пусть мне будет небесное
такое же, как земное...

Грех

И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнанья.
Но злое дело — воздаянье
Само в себе, таясь, таит.

И путь наш чист, и долг наш прост:
Не надо мстить. Не нам отмщенье.
Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вопьется хвост.

Простим и мы, и Бог простит,
но грех прощения не знает,
Он для себя — себя хранит,
Своею кровью кровь смывает,
Себя вовеки не прощает,
Хоть мы простим и Бог простит.

‹1938›

КОММЕНТАРИИ

Сборник составили стихотворения З. Гиппиус, вошедшие в книги, изданные как на родине, так и за рубежом (Собр. стихов. М.: Скорпион, 1904—1910. Кн. 1—2; Последние стихи: 1914—1918. Пб., 1918; Стихи. Дневник: 1911—1921. Берлин: Изд. Слово, 1922; Сияния. Париж, 1938). Композиция подборки в целом подчинена хронологическому принципу. Орфография приведена к современной норме, за исключением случаев, диктуемых смыслом произведения.

Сияния. Стих. открывало последний прижизненный сб. З. Гиппиус и имело программный характер.

Песня. Одно из самых знаменитых "декадентских" стих. ранней Гиппиус с типичным для формирующейся школы "мэонизмом" — любовью к неземному идеалу; имеет аналоги в лирике Н. Минского, Ф. Сологуба и др. Написано редким для Гиппиус акцентным стихом.

Посвящение. Стих. с характерной для раннего символизма апологией "Я". Ср. отрывок из письма З. Гиппиус З. Н. Венгеровой: "За ужином я пылко развивала свои теории о зле и о том, что нужно любить себя, как Бога. Бедный швед таращил глаза и соглашался... но как-то насильственно" (ИРЛИ, Ф.39. Оп.2. № 542. Л.3; 9 марта 1895 г.; эпатирующий характер утверждений осознавался).

Соблазн. *П. П. Перцов* (1868—1947) — литератор, близкий в 1890-е гг. к Мережковским, позже был приглашен редактором журн. "Новый путь" (1903—1904).

Не знаю. *Скиния* — походная церковь израильтян (до иерусалимского храма); "глаголемая святая святых" (В. И. Даль).

Предел. Дмитрий Владимирович *Философов* (1872—1940) — один из близких друзей Мережковских, известный критик, публицист, общественный деятель, долгое время жил вместе с Мережковскими, навсегда расстался с ними в 1920 г. в Варшаве.

Мертвая заря. *Денница* — утренняя заря.

Христу. *Не оставлю вас сиротами, приду к вам* (Ев. Иоанна, гл. XIY, 18).

Белая одежда. *Побеждающему я дам белые одежды* — ср.: "Побеждающий облечется в белые одежды" (Откр. Св. Иоанна, гл.III, 5).

Водоскат. *А. А. Блок* (1880—1921) — крупнейший поэт XX в. С Мережковским находился в многолетних сложных отношениях. См. об этом: *Минц З. Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими. Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сб.IY. Тарту, 1981. С.116—222. Выражение "*кипящей льдистости*" В. Брюсов считал "лучшим определением пафоса" лирики Гиппиус (Гиппиус З. Собр. стихов. М., 1910. Т.2. С.184).

Не будем как солнце. В загл. полемически обыгрывается название ницшеанского сб. К. Бальмонта "Будем как солнце" (1903). Борис Викторович Савинков (*Ропшин*) (1879—1925) — писатель, автор нашумевшей повести "Конь бледный" (1909). По свидетельству З. Гиппиус, в основе повести лежали идеи ее статьи "О насилии" и лекции Д. С. Мережковского, читанной им в Париже в марте 1907 г. С Савинковым Мережковские поддерживали многолетние отношения. Впоследствии Б. Савинков, известный эсер-террорист, — военный министр Временного правительства. Погиб при неясных обстоятельствах в застенках ГПУ в 1925 г.

Белое. *Звезда Вифлеемская* — ср.: "И сс звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над м е с т о м, где был Младенец" (Ев. Матфея, гл.II, 1—10; по преданию, Мария уложила Иисуса, царя Иудейского, в ясли для скота).

Божья. *Канн* — город на юге Франции.

Юный март. *Allons, enfants de la patrie* — начальные слова Марсельезы. Март 1917 г. Мережковский назвал "благоухающим мартом" — это был месяц наибольших надежд на демократическое развитие событий февральской революции, дни "первых опасений и сомнений" наступили несколькими неделями позже.

Гибель. Стих. написано в очень тревожное для Петербурга (тогда уже Петрограда) время. Ср. запись Гиппиус: "Внешнее положение — самое угрожающее. Весь Рижский залив взят, с островами. Но вряд ли до весны немцы и при нынешнем положении двинутся на Петербург. Или, разве, если Керенский отъездом пр<авительст>ва ускорит дело. Отдаст Петербург сначала на бойню большевистскую, а потом и немцев" (Гиппиус З. Петербург. дневники: 1914—1919. Нью-Йорк, 1990. С. 181).

Тли. *Тля* — ржа, гниль, прах; "все, что подпадает тлению" (В.И.Даль); в "Записной книжке" этого времени Мережковский, описывая ощущения от "толп октябрьских", фиксирует: "Малые-малые, серые-серые, неразличимые, неисчислимые, насекомоподобные. Не люди, а тли" (Вильнюс. 1990. N 6. С.135). Октябрь был воспринят Мережковским как гибель революции, поэтому "мартовские зори" неоднократно сопоставляются с гибельными и "закатными" октябрьскими.

Веселье. В сб. "Стихи. Дневник: 1911—1921" (Берлин: Изд. Слово, 1922) стих. было опубликовано в разделе, обозначенном знаком " + ". Октябрьские события Гиппиус считала закономерным результатом и порождением войны. Настроения 29 октября зафиксированы и в дневниковой записи: "На улицах толпы, стрельба. Павловское Юнк<ерское> Уч<илище> расстреляно. Владимирское горит. Петербург, — просто жители, — угрюмо и озлобленно молчит <...> О, какие противные, черные, страшные и стыдные дни" (Гиппиус З. Петербург. дневники: 1914—1919. С.199).

Липнет. "*Новая жизнь*" — петроградская газ. (1917—1918), издавалась при ближайшем участии М.Горького; З.Гиппиус называла ее "тлей", осуждая за заигрывания с большевиками и двойственность позиции. *Соглашатели* — для Гиппиус это прежде всего газ."Дело" В.М.Чернова, лидера эсеров. З.Гиппиус считала, что "соглашательство" с большевиками приведет революцию к окончательной гибели и "бесконечной" гражданской войне.

Сейчас. *Давно в бегах* — имеется в виду прежде всего А. Ф. Керенский, который 25 окт. 1917 г. бежал в действующую армию, покинув женский батальон и батальон мальчиков-юнкеров, которые почти полностью погибли. *Викжель* — Исполнительный комитет Всероссийского железнодорожного Союза рабочих и служащих; после отъезда Керенского, опасаясь его возвращения с войсками, большевики разобрали пути от Гатчины до Петербурга, в самом городе мостовые на некоторых улицах.

У. С. *У<чредительное> с<обрание>* — парламентское учреждение, его заседание происходило 5(18) янв. 1918 г. в Таврическом дворце в Петрограде, недалеко от которого жили Мережковские. Большинство отказалось принять декреты советской власти. В ночь на 7 янв. ВЦИК принял декрет о роспуске собрания. Стих. З. Гиппиус написано после разгрома собрания, который она считала "последней точкой борьбы", далее ей виделась "агония революции" (Петербург. дневники: 1914—1919. С. 231).

Кто он? Стих. характеризует личность А. Ф. Керенского, с которым Мережковских связывали долгие и сложные отношения. З. Гиппиус полностью поддерживала его позицию во время войны, считала "спасителем" России в марте 1917 г., но резко осуждала его дальнейшую политику, медлительность, нерешительность, прислушивание к "соглашателям", "преступную канитель", "болтовню" вместо действия. Ее "Петербургские дневники" содержат немало блестящих его характеристик, напр.: "Да, фатальный человек; слабый... герой. Мужественный... предатель. Женственный... революционер. Истерический главнокомандующий. Нежный, пылкий, боящийся крови — убийца. И очень, очень весь — несчастный" (С.207).

Дверь. *Вереи* — зд.: навесные крюки и петли на воротах.

А. Блоку. Стих. З. Гиппиус послала Блоку в мае 1918 г. в качестве дарственной надписи к сб. "самых контрреволюционных" своих стихов "Последние стихи" (Пг., 1918). Оценка Блока как "потерянного дитяти" встречается в дневниках Гиппиус неоднократно. Гиппиус поразили социально-психологическое и даже "эстетическое" оправдание Блоком "нового гуманизма" и некоторое "надмирное" отношение к происходящему; ср.: "Я звала его в Савинковскую газету, а он мне и понес "потерянные" вещи: что я, мол, не могу, я имею определенную склонность к большевикам (sic!) <...> Он ходит "по ступеням вечности", а в "вечности" мы все "большевики" <...> С Блоком и с Борей <А. Белым — С. К.> <...> можно говорить лишь в

четвертом измерении“ (Петербург. дневники. С.191). Блок ответил стих. “З. Гиппиус (При получении “Последних стихов“)“, надписанном на кн. “Двенадцать. Скифы“ (1918). Блок считал разрыв с Гиппиус “идейным“, начавшимся еще в 1905 г. (О дальнейших отношениях Блока и Мережковских см.: *Минц* З. Г. А. Блок в полемике с Мережковскими.)

Шел... *А. Белый* (Б. Н. Бугаев) (1880—1934) — крупнейший представитель символизма, поэт, прозаик, мемуарист. Стих. — поэтическая реакция З. Гиппиус на симпатии близких ей поэтов большевизму, как своеобразный ответ на поэму “Христос Воскресе“ А. Белого и поэму Блока “Двенадцать“. *Хитон* — род ниспадающей складками длинной одежды у древних греков. *Багряница* — торжественное облачение владетельных особ, обычно пурпурного цвета.

Свеча ненависти. *Не мне отмщение* — трансформация библейского “мне отмщение“: “Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. ибо написано: “Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь“ (Посл. к римлянам, гл. XXII, 19).

14 декабря 18 г. Стих. связано с годовщиной восстания декабристов, ср.: “Люблю этот день, этот горький праздник “первенцев свободы“ (Петербург. дневники. С.28). *Каре* — тактический прием построения пехоты четырехугольником. *Муравьев* — в восстании декабристов принимало участие несколько Муравьевых, имеется в виду С. И. Муравьев-Апостол (1796—1826), участник создания “Союза Спасения“ и “Союза Благоденствия“, активный деятель Южного общества, казненный вместе с П. И. *Пестелем* (1793—1826), главой общества, автором *“Русской правды“* (1821—1823); программа общества предполагала создание унитарной республики, с равенством граждан перед законом и гражданскими свободами.

Лазарь. Речь идет об одном из чудес Христа: воскрешении умершего Лазаря (Ев. Иоанна, гл.II, 1—44), проецируемом на чаемое воскрешение Петербурга, “города-самоубийцы“. *Петр чугунный, Строитель* — имеется в виду памятник Петру I работы Э. Фальконе.

Отъезд. В стих. описаны обстоятельства бегства Мережковских из Петербурга 24 дек. 1919 г.

Неотступное. Тематически связано со стих. “Лазарь“; проецируется на Откровение Св. Иоанна (ср.: “Се, стою у двери и стучу...“ — гл.III,20).

Бродячая собака. Ночное литературно-артистическое кафе (1911—1915) в Петербурге. *На Сенских берегах* — т.е. в Париже. И. А. Бунин утверждал, что в “Бродячей собаке“ уже в эти годы “сидело немало будущих большевиков“ (*Бунин* И. А. Воспоминания. Париж, 1950).

8 ноября. В этот день отмечается Собор Архистратига Михаила (по ст.ст.), он совпадает с днем рождения З. Гиппиус.

Рождение. Имеется в виду Рождество Христово. "*Пещерная вода*" — согласно апокрифическому евангелию от Фомы, Иисус Христос рожден в пещере.

Равнодушие. Эпиграф из стих. З. Гиппиус "В черту" и "Час победы".

Как он. Стих. посвящено Георгию Викторовичу *Адамовичу* (1892—1972), поэту, автору сб. "Облака" (1916), "Чистилище" (1922), "На Западе" (1939) и др., известнейшему критику в среде русской эмиграции.

Воскресенье. *Д. М.* — очевидно, Д. С. Мережковский. *Слов — последних — Фомы* — имеется в виду евангельский сюжет об апостоле Фоме, который не верил в воскресение Христа, пока не вложил персты в его рану (Ев. Иоанна, гл.XX, 24—29).

Eternite Fremissante. В. С. *Варшавский* — писатель и философ, сформировавшийся в лоне русской эмиграции 1920—1930-х гг., близко общался с Мережковским и др. "старшими монпарнасцами".

Когда? *В церкви пели Верую* — речь идет о литургии (25 марта — Благовещение Пресвятой Богородицы).

Грех. *Не нам отмщение* — см. примеч. к стих. "Свеча ненависти".

СОДЕРЖАНИЕ

“О“. 2014. 1992.

200090 Таллинн, «Александра», а/я 445.

Редакция «Континента»
сердечно поздравляет
давнего члена редколлегии и автора нашего журнала
Юлия ЭДЛИСА
с 75-летием!
Желаем нашему дорогому юбиляру
такой же неоскудевающей энергии жизни и творчества,
которая всегда радовала его читателей и друзей.

От имени всех наших читателей
приносим искреннюю благодарность
Алексею БЕРЕЛОВИЧУ,
Сергею ЛЕБЕДЕВУ
и Сергею ЮРСКОМУ
за дружескую поддержку
и бескорыстную финансовую помощь,
обеспечившую выход этого номера.